

Сергей Малицкий
Забавник
Серия «Кодекс предсмертия», книга 4

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=631955
Забавник: Альфа-книга; Москва; 2010
ISBN 978-5-9922-0587-9

Аннотация

Почти двадцать лет минуло с последней войны, в которой схлестнулись между собой государства Оветты. Схлестнулись и если не разбились вдребезги, так пошли трещинами и развалились на куски. Однако зло, что угнездилось в древней земле, не изошло. Оно притаилось до времени, возвращая само себя. Впилось в грунт, как корень обломанного сорняка. Растворилось, как горькая соль. Налилось ядом, как запретный плод. И вот пришло время плодоносить. Сборщик урожая ухватился за кривой ствол, призвал дальних гостей и пустил заманчивый слушок для ближних. Скоро они встретятся друг с другом – бывший почти бог и тысячелетний колдун, великий тан развеянного степного воинства и мать его ребенка, наследник погибшего царства и таинственный охотник, воин и потомок демона, лесной коротышка и добряк-великан, пробуждающийся демон и девчонка-ураган. Они уже близко. Они движутся навстречу друг другу и собираются не на дружескую пирушку.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	24
Глава четвертая	34
Глава пятая	41
Глава шестая	47
Глава седьмая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Сергей Малицкий

Забавник

Пролог

Последний летний месяц нагнал кучевые облака, зачернил небо, обрушился на землю проливным дождем, на второй день истратил влагу до капли, устал и отдался светилу, которое постепенно прокалило не только камень и песок, но и воздух. Даже ветер понес с моря не обычные прохладу и свежесть, а непереносимую духоту. Благодатный Аилле, едва появляясь над Молочными пиками, не светил, а жарил и не ослаблял накала, ни пока неспешно взбирался на белесое небо, ни пока столь же неторопливо сползал по нему в море. Старожилы пожимали плечами и объявляли, что по всем приметам вот-вот должна разразиться гроза и буря, но небо оставалось чистым, и уже через неделю ожидания прохлады даже седобородые мудрецы уверились – дождя не будет до осени, то есть еще недели три, а там и месяц красень может оказаться сухим, и пойдут тогда лесные пожары, потому как искры достаточно в такую жару: листья-то летят, словно тот же красень уже на исходе, да и трава пожелтела на косогорах.

Старина Дамп, который, несмотря на солидный возраст, продолжал служить конгу Скира, выхлебал третью чашу легкого пива, зачерпнул ковшом нагретой даже под растянутым тентом воды, наполнил колпак и нахлобучил его на голову. Теплые струйки тут же омыли лысину, морщинистое лицо, запутались в бороде, струями побежали за воротник, щедро смочили рубаху, попутно охлаждая натруженное стариновское тело, наткнулись на пояс дорогих шерстяных портов и, уже слабея, пропитали их почти до сапог. Ловя мгновения свежести, Дамп блаженно прищурился, даже решил было скинуть сапоги и омыть ноги, но потом махнул рукой; надолго ли хватит того удовольствия, если даже ночью духота не дает покоя? Нет, к вечеру обязательно выгадает время и отправится к морю – хоть по воде походит, а там, может быть, и окупится пару раз.

Слуга уже ждал бывшего сотника, а ныне воеводу за пологом. Крепкая кобыла Дампа была ухожена и бодра, хотя и ей жара не добавляла прыти. Старик не утруждал ее сверх меры и не упускал случая побаловать соленой лепешкой. Вот и теперь лошадиные губы аккуратно подобрали с ладони лакомство и благодарно прихватили хозяина за плечо. Дамп довольно хмыкнул, с легким кряхтением взобрался в седло и, кивнув двум стражникам, направил лошадь в сторону пади.

Вряд ли кто узнал бы теперь Суйку. Всего и осталось прежнего от Мертвого города – холм да залив. Все остальное пространство занимали копошащиеся фигурки, которые обращали древние развалины в аккуратные штабели камня и кирпича, обнажая не только землю, но и вскрывая многоярусные подвалы и подземные ходы, а теперь уж и закладывали фундаменты будущих зданий.

Едва ли не сразу после первого избрания конгом Снат Геба издал указ, по которому всякий плененный росс, или хенн, или иной обитатель Оветты, поднявший в последней войне оружие на сайдов, должен смыть пролитую им кровь собственным потом. Выбор у несчастных был небогатый: или многолетний тяжкий труд, или рабская доля до конца дней. Так что вскоре тысячи и тысячи бывших воинов вооружились нехитрым инструментом и под надзором стражи отправились восстанавливать Скир, Ласс, Омасс и Борку, но в большинстве своем поливать потом, а то и кровью из сбитых рук и ног – Суйку, которую велено было именовать градом Айсил.

Градом Суйка не стала и через двадцать лет, хотя в бухте уже подрастал отсыпаемый из каменного мусора мол, наметились главные улицы, заблестели ленты мостовых, вокруг расчищенного от развалин холма поднялись башни и стены будущего замка, пошли ввысь стены посада. Все остальное пока напоминало выгрызенные белкой, брошенные на землю пчелиные соты. Ими-то и занимались в большинстве своем бывшие рабы, которые заработали свободу, но остались трудиться во славу Скира. К ним присоединялись их дети; каждый год за лопаты и кирки брались новые рабы, которых конг выкупал у хозяев: каменщиками, плотниками и водовозами нанималась совсем уж отчаявшаяся беднота из числа сайдов, а также пришлых рептов, корептов и дучь, потому как всякий труд в Суйке неплохо оплачивался.

Неспроста многие из рабов, сняв с запястья или с шеи клейменое железо, оставались трудиться здесь же: места для домика с крохотным участком в окрестностях некогда Мертвого города хватало для любого, а что там обещала родная, ныне разоренная сторона, было известно только богам.

Только в границах самой Суйки никто не желал селиться. Пусть и не слишком верили бывшие иноземцы страшным рассказам бывалых сайдов о Мертвом городе – поганой и опасной нечисти, ходячих мертвецах, но всякому бывало тяжело за черной линией, выплавленной в земле: побаливала голова, сердцебиение усиливалось, кому-то и призраки чудились, так что даже рабы старались на ночевку уходить за пределы города. Потому и работы шли не так быстро, как хотелось конгу, хотя почти во всех подземельях кирки стучали уже по скальной подложке города.

Впрочем, Дампа подобные заботы не слишком занимали. Он твердо верил словам своего предшественника, что если извлечь из оскверненной земли все кости и сжечь их, а пепел захоронить по старому обряду – то есть развеять его над волнами, прося заступничества у морских богов, – то и тягость Суйки должна развеяться. Очисткой изнанки будущего города занималась немалая часть работяг: просеивался каждый ком земли, каждая лопата сухого песка, каждая горсть тлена. И отправлялись камень к камням, мусор к мусору, а кости на берег, где днем и ночью горели огни, стучали каменные дробилки и стояли лады, принимающие на борт пепел. Вдобавок не меньше десятка лучших храмовых магов бродили по каменным лабиринтам и принимались, прислушивались к древнему колдовству, да разбирали каждое слово из тех, что были высечены на камнях или отлиты в металле. Чего уж говорить, что все ценные находки, начиная от простых монет и заканчивая барельефами и статуями, отправлялись после долгих обрядов очистки в новый дворец конга в Скире. Работы обходились дорого, и каждая монета, каждая ценность тут же шли в дело.

Часть из тысяч тружеников была занята на строительстве, часть уничтожала белые скалы, распиливая на камень, но подавляющее большинство их трудилось в бывшей Проклятой пади.

Давно уже потеряли черный цвет некогда пропитавшиеся колдовским заклятием камни. Давно уже были разобраны склепы и извлечены из них кости, которые оказались древнее прочих останков и почти полностью превратились в прах. От храма, когда-то прикрывавшего тайну пади, вовсе ничего не осталось, только возносились к выцветшему небу две скалы, к которым запретил прикасаться еще великий маг Ирунг. Теперь рабы ковыряли саму твердь, с каждым ударом кирки приближая тот день, когда волны теплого моря снова хлынут в оставленный тысячи лет назад пролив, начисто смоют древнюю пакость и превратят у же не Суйку, а Айсил в неприступный остров.

Дамп гордился выпавшей долей. Он не был уверен, что увидит Айсил процветающим, но не сомневался, что пройдет по его улицам, а еще раньше проплывет в ладье вокруг суйкского холма, потому как работы оставалось на год-другой. Глубина будущего пролива выходила не меньше двадцати локтей, а местами и вдвое больше, ширина от двух сотен шагов

до тысячи, а быки двух будущих мостов, что должны были соединить в одну линию Борку, Айсил и Сочу, уже подбирались к закруглению прочных арок.

«Проплыву в ладье и сам не поверю, что некогда посуху на коне разъезжал!» – подмигнул восходящему Аилле Дамп, когда вдруг заметил впереди странную троицу.

Никого не могло быть в этой части пади. Давно уже работы шли у моря по обоим будущим протокам – дно углубить на пять локтей, да разбивать, разбивать понемногу нанесенные временем, водой и ветром перемычки, что отделили сначала соленое озеро, а потом и Проклятую падь от забывшего о ней моря. Да и подходы к Суйке извне охранялись, чтобы отпугнуть любителей побродить по развалинам. Никого не могло быть среди вычищенной от руин ложбины, но навстречу Дампу шли трое. И шли от двух скал, что торчали на ровном месте, казались единым монолитом, хотя и походили на два прорвавшихся сквозь каменную твердь указующих перста. Ведь на четыре десятка локтей над водой будут торчать, на четыре десятка локтей! И обзовут ту скалу какой-нибудь «щепотью демона»! Да еще и легенду к тому добавят!

Обернулся Дамп, поднял руку, дав знак стражникам остановиться, да прикрикнул еще, разглядев недоумение на лицах. Спрыгнул с лошади, отдал поводья старшему и пошел навстречу троице, только что не пошатываясь от волнения. Шел и все щупал, щупал под рубахой оставленный предшественником перстень-печатку. А ведь еще смеялся над его словами, не в глаза конечно, а потом, за чашей пива, однако кто же мог подумать...

Дамп остановился в десяти шагах и пригляделся к незнакомцам. Они были молоды, хотя зрелость успела нанести на их лица едва уловимые штрихи. Впереди стояла женщина, в которой Дамп угадал старшую крохотного отряда. Ее следовало бы назвать красавицей, если бы в тонких и правильных чертах с потаенной нежностью не мешались сила и упорство, которые, несомненно, отпугнули бы праздных ценителей красоты. Даже полные губы казались от этого чуть тоньше. И большие глаза чуть уже. И скулы острее, чем были на самом деле. Пышные волосы стягивала лента, но горячий ветер успел разметать их и теперь забавлялся с темной, выбившейся на лоб прядью. Простое, удобное платье, из-под которого виднелись обыкновенные, заправленные в прочные сапожки порты, не скрывало стройной фигуры, но и не позволяло рассмотреть нечто большее. На плече незнакомки висел мешок, за спиной торчали рукояти мечей, что скорее было свойственно южным степнякам, но женщина казалась сайдкой, разве только в разрезе глаз пряталась толика рисской крови. Взгляд ее полнили тревога и боль.

Ее первый спутник – воин-великан – явно предпочитал заботиться об оружии, а не об одежде. И сапоги, и добротная рубаха, и крепкие порты служили ему не первый месяц, зато тисненый пояс, на котором висели широкие ножны странного меча, множество ножей и пара кинжалов, блестел от масла и десятка заклепок. В объемистом мешке великана мог оказаться и ратный доспех, и дорожная поклажа или даже свернутый шатер, способный укрыть пару десятков воинов, но на широких плечах рыжебородого здоровяка мешок казался небольшой торбой. Воин, а воинскую принадлежность гиганта, который превышал ростом на две головы самого Дампа, вовсе не считающего себя карликом, старик определил с одного прищуря, в свою очередь рассматривал суйского воеводу с той самой ухмылкой, которая единственная из всех возможных не позволяла нахмурить брови, а заставляла улыбнуться в ответ.

Последний из троицы уступал спутникам возрастом, хотя, скорее всего, разменял три десятка лет. Он не смотрел на Дампа, а неторопливо озирал окрестности, словно не пришел в Проклятую падь издалека, а явился только что, спрыгнув с мимолетного облака или выбравшись из-под земли. Его короткие темные волосы обрамляли упрямыми прядями широкий лоб. Глаза смотрели спокойно, губы оставались неподвижны, узкий подбородок покрывала дневная щетина. И он явно считался бы красавцем, если бы не холодная отстраненность в лице, причиной которой могла быть как легкая скука, так и ленивое презрение к каждому,

кто встретится ему на пути. «Обманчивая скука и обманчивое высокомерие», – решил про себя Дамп. Одетый так же, как великан, черноволосый имел сверх прочего кожаный жилет, украшенный нагрудником и наплечниками, и литые наручи. На его поясе, судя по ободраным ножнам, висел простенький меч с костяной рукоятью, но в одно мгновение Дамп понял, что обладатель этого меча полагается на него, как бывалый воевода на лучшую проверенную тысячу.

Перед стариком стояли три воина, которые могли стоять десятков, если не сотен прочих.

Давно Дамп не испытывал такого азарта – наверное, с того самого дня, когда в его лагере, еще во время последней войны с хеннами, появилась странная парочка – рослый балъ и румяный ремини. Та встреча обернулась и для Дампа, и для нынешнего конга, и для всего Скира большой удачей. Как-то выйдет теперь?

– Далеко ли путь держим? – кашлянул старик и хитро прищурил один глаз. – И не Сето, Сади и Сурра, случаем, вас кличут? Легенды говорят, что как раз где-то здесь троица богов впервые почтила своим присутствием древнюю Оветту!

– Нет, мы не боги, и зовут нас иначе, – женщина говорила на сайдском с чистым скирским выговором, – но знание преданий священной земли, воевода, уже достаточная причина, чтобы отнестись с уважением не только к твоим сединым. В Скир идем. Ведь стоит еще столица сайдов на прежнем месте? Чем война с хеннами закончилась? И какой год минул? И кто теперь в конгах?

Дамп шлепнул ладонью по воеводской бляхе, ухмыльнулся и прищурил другой глаз.

– Значит, издавека, коли об известном печетесь? Что ж, спасибо на добром слове, хотя седины сами по себе ума не прибавляют, а уважения все одно достойны. Однако ловко вы путь держите – Борку минули, а о Скире и не слышали ничего? И где же вы прогуливались, если о войне знаете, а о том, чью победу славили, нет?

– Далеко отсюда гуляли, – чуть утомленно ответила женщина. – В разных землях, под разным небом, куда по своей воле забредали, куда нужда забрасывала, но вот пришла пора и в Скир наведаться – все-таки родная сторона. Опять же найти кое-кого хочется. Так кто нынче конгом в Скире, воевода?

– Снат Геба, – вздохнул старик. – Слыхивала о таком? Год назад в пятый раз конгом выбран, а в первый стал им через месяц после той войны, на которой половина скирских танов полегла.

– Значит, семнадцать лет минуло, – нахмурилась незнакомка. – А не тот ли это Снат Геба, что под Скочей немерено хеннов порубил?

– Тот самый! – расплылся в улыбке Дамп. – И я в той рубке участвовал!

– А не слышал ли ты о воине из народа балъ по имени Марик? – с надеждой спросила незнакомка.

– Как не слышать? – хмыкнул Дамп. – И прежде слышал, да и теперь уши не затыкаю. Было время, Марик всей стражей конга командовал, но уж третий год как только собственной семьей занимается. Еще это... заведение у него. Обучает скирских вельможных сынков с мечом и прочим оружием обращаться. Но так твоим молодцам наука не требуется?

– Наука не требуется, – улыбнулась женщина. – А вот наставники из них хоть куда. Но ответь еще на два вопроса, а там уж и я расскажу тебе, что смогу. Жив ли еще Ирунг Стейча, маг храма Мелаген, главный советник прошлого конга?

– Умер, – развел руками Дамп. – Стар стал, вот и умер. Или устал. Он до меня тут заправлял. Расчищал Суйку от вытравленной погани. Девять лет уж прошло.

– Ладно, – потемнела лицом незнакомка. – А что ты скажешь насчет старика именем Камрет? Ростом невелик, чуть за три локтя. Промышляет гаданием и игрой в кости, всюду

ходит с большой флягой и коротким широким мечом. На язык остер, пронырлив и хитер, как самый ушлый скирский торговец!

– Не слышал о таком, – пожал плечами Дамп. – По отдельности – наберу знакомцев с десяток, а чтобы в одном человеке соединить все, никак не выходит.

– Что ж, – вздохнула женщина, – теперь спрашивай ты.

– Имя твое, красавица, как звучит? – Воевода сдвинул морщины на лбу в пучок.

– Айра, – отозвалась незнакомка. – Дочь Ярига.

– А ведь прав был старый мудрец! – Дамп вытер разом вспотевший лоб. – Есть у меня послание для Айры. От Ирунга послание. Печатка его да увещевание. Только ты уж, подружка, второе имя назови. Имя той, что, прощаясь с тобой, с собственной жизнью простилась.

– Так она все-таки погибла... – прошептала женщина. – Кессаа ее имя. Дочь Седда Креча и жрицы храма Сето – Тини.

– Ну, вот я и дождался, – с облегчением выдохнул Дамп и потянул из-за ворота шнурок с печаткой. – Теперь можно дотапывать скирскую землю без оглядки. Держи, красавица. Пойдете со мной – лошадей дам, ярлыки выправлю, да накормлю вас. Вижу, великан твой давно живот потирает?

– Что просил сказать Ирунг? – подняла глаза Айра, надев перстень на палец.

– Здесь он, – проговорил Дамп. – Так и сказал: здесь он, тот, который остался. Отсеченный тобой. Не именно здесь, в Суйке, а в Скире. Как величать – неизвестно, как с лица выглядит – непонятно, но здесь. Притаился и ждет. Не ясно – в разуме ли, в сновидении ли, в беспамятстве, но дышит. Дышит, а не ухватишь. Не окончена та война, передал Ирунг. И заканчивать ее придется тебе, Айра. Или не тебе. Но без тебя не обойдется.

Глава первая

Рич

К концу лета даже всегда прохладный камень храма Мелаген наконец поддался Аилле и стал теплым, превращая учебные занятия почти в муку. Наставники пытались открывать узкие окна, но врывающийся под темные своды с улиц Скира ветер был еще горячее, поэтому единственным спасением оставалась магия Вертуса.

Дряхлый бородач заглядывал в ученическую каждый перерыв, бормотал что-то невнятное и вставлял в закопченный подсвечник сальную свечу, которая непостижимым образом наполняла душный зал не только копотью, но свежестью и прохладой. Рич не нравилась копоть, она пыталась подслушать присказки старика, прочувствовать заклинание и подправить его, но добилась только внезапно повисших над головой сосулек, опаленных ресниц от вспыхнувшего до потолка пламени и очередного увещевания и наказания от главы школы, храмового жреца Бравуса.

Вот и теперь свеча потрескивала, коптила, стремительно превращаясь в огарок, свежесть, не переставая отдавать салом, сменялась духотой, а занудство, истекающее из уст худого, невысокого рисса, все не заканчивалось.

Рич и в самом деле не могла дождаться, когда Лайрис завершит урок. Конечно, и удушливая жара не добавляла желания корпеть над восковой дощечкой, но были же предметы, на которых Рич до сих пор забывала обо всем на свете! Правда, еще недавно и преподавателя начертательной и предметной магии она слушала с раскрытым ртом, но теперь ей было не до укоризненного взгляда всегда аккуратного и подтянутого иноземца.

Сопряжение магических фигур и природных вихрей силы, правила ее накопления и отдачи, пропорции стихий и веществ, углубление и сохранение, сочетание и отвержение – изучение всех этих разделов магической практики постепенно превратило путешествие в мир непознанного в утомительную и никчемную прогулку между затверженными наизусть заданиями. Само собой, Рич не собиралась спорить с уважаемым наставником, но и превращаться согласно его планам в крепкого ремесленника от колдовства ей тоже не хотелось. Тем более что в отличие от большинства школяров она не собиралась становиться ни храмовой жрицей, ни травницей, ни податной колдуньей, ни целительницей, ни дворцовым магом!

Она вообще никем не собиралась становиться, точнее, не знала, кем станет, а просто занималась тем, что ей нравилось. Часть дня изучала магию в школе, основанной еще Ирунгом Стейча – героем хеннской войны. Еще часть дня помогала лекарям в целительской храма, да и то лишь потому, что сам Ирунг поведал когда-то сопливой крохе, что ее мать добилась в целительстве значительных успехов и пользовала несчастных как раз здесь, в кельях храма Мелаген. Остальное время Рич пропадала во дворе заведения Марика Дари, а проще говоря – дяди Марика, где более чем успешно осваивала все виды оружия, а пуще прочего мастерство владения мечом.

Вот где было и в самом деле интересно! Уже три года действовало, как упрямо повторял Марик, воинское заведение, и за три года ни разу Рич не захотелось пропустить хотя бы одного занятия! Нет, конечно, и магия была занимательна, но уж больно легко она давалась, или наставники все никак не решались подпустить воспитанников к действительно сложным разделам? Так давно уже пора было перейти от нудной зубрежки бесконечных свойств живой и неживой плоти к изучению чего-нибудь полезного! Или кое-кто успел нахвататься запретных знаний?..

Рич потеряла запястье. Ранка уже не саднила, но след не исчез, и две вещи Рич знала совершенно точно: утром отметки в виде косого креста на руке не было, и оцарапать таким

странным образом сама она не могла. В другой раз Рич бы и вовсе не обратила внимания на ссадину, мало ли их случалось в том же северном Гобенгене, где, как рассказывал дядя Марик, она впервые встала на ноги. Одно падение в полярную колючку чего стоило, но вот так, чтобы прямо на занятии боль полыхнула по коже и оставила явственный отпечаток, не предъявив ничего, что могло бы послужить причиной боли?! Ладно бы наговор какой-нибудь случился, так ведь не было и наговора! Тот же Лайрис мог сколько угодно укорять Рич в отсутствии усердия, но не он ли перед лицом жреца Бравуса хвалился, что именно несносная девчонка имеет дар абсолютного слуха, то есть слышит магию, как иногда слышит музыку какой-нибудь слепой музыкант?

Кстати, уж чего-чего, а слепоты за собой Рич не замечала, поэтому неосторожность, случайность или обычное наведенное колдовство отвергла сразу. Хотя могла же быть причиной царапины и вовсе какая-нибудь пустяковина – соринка, крупинка? Магии в ней и на чих не хватит, а раздавишь локтем, тут она тебя и укусит. Конечно, и такую соринку она бы не пропустила в обычный день, но у Лайриса как раз теперь на столе был вычерчен, на взгляд Рич, уродливый и совершенно бессмысленный плавающий тринадцатигульник, над каждым скрещением линий которого мерцали вихри. Вот уж чего нельзя было отнять у Лайриса, так это досконального знания им собственного предмета! Если бы он еще не был столь отвратителен! И зачем, спрашивается, возбуждать все эти пропорции, если их можно просто увидеть? Вот и выходило, что вихри-то она разглядела, а соринку упустила? Что ж, на будущее Рич и такой слабости себе не позволит. И все-таки кто же на нее покусился?

Рич нахмурилась, обернулась и медленно обвела взглядом учебную комнату. Все школяры сидели у нее за спиной – еще Бравус распорядился несносную девчонку сажать в первом ряду за отдельный стол. Что ж, иногда полезно оказаться наедине с недругами. Значит, шестнадцать человек, и никто из них к Рич, старшей дочери Лебба Рейду, кроме надоедливого и приторного пятнадцатилетнего недоростка Жорда Олли, не питает нежных чувств. Да, пожалуй, следовало быть чуть сдержаннее в язвительных замечаниях. И, наверное, некоторые прошлые ее шуточки над соучениками явно были оскорбительными. Ладно, в любом случае поздно расшаркиваться. Да и не дождутся от нее этого никогда! Само все зарастет, или не Марик похвалил ее, сказав, что она наконец начала задумываться над тем, что творит? Ну, задумываться Рич пока еще не начала, но обязательно начнет, как только выявит злоумышленника.

Сначала следовало присмотреться к лицам: нет, никто не опустил глаз, другое дело, что некоторые вовсе не смотрели на нее. Зато прочие смотрели пристально и вызывающе. Вот о них-то и следовало подумать в первую очередь! Прежде всего, о Сайсе Стейча, внучатом племяннике Ирунга, и о Рейле Ойду – младшем сыне богатого тана.

Нет, и кроме этих двоих недругов было достаточно. Чего только стоила Фарисса, одна из самых, как говорил наставник по общей магии Вертус, многообещающих учениц, а по усердию так точно первая. Вот и теперь словно стрелы мечет из зрачков. Херг, у которого воли и ненависти припасено на тысячу сверстников, расплылся в злорадной улыбке. Майка, девчонка из храма Сето с безуминкой в глазах, сморщила носик. Эти пятеро были самыми сильными. Прочие тоже кое-что могли, но именно пятеро были еще и неоднократно обижены Рич, и особенно Сайс и Рейл.

Первого пришлось поставить на место, когда он попытался держать себя в школе, созданной его дядей, маленьким конгом. Никакой магии Рич не применяла, Марик давно уже втолковал ей, что не следует понапрасну пользоваться ворожбой, лучше хранить способности на самый крайний случай. Так что обошлась несколькими тумачами и разбитым носом, да и то без свидетелей, чтобы не ранить танское самолюбие. Самолюбие, может быть, и удалось частично сберечь, зато ненависть в глазах младшего отпрыска дома Стейча теперь полыхала не переставая.

Правда, тот же Марик рассказал, что когда-то гибель двух сыновей Ирунга, которые приходились или должны были приходиться Сайсу Стейча двоюродными дядями, не обошлась без участия матери Рич, но обмолвился он об этом мимоходом и разъяснять что-либо отказался. Рич почти ничего не знала о своей матери, но достучаться с расспросами до Марика пока что так и не сумела.

С другой стороны, и Марика можно было понять! Когда Лебб Рейду давал согласие, что девчонка будет находиться в столице сайдов под присмотром семейства Дари, он повысил голос именно на словах о сдержанности лучшего воина Скира. И чего, спрашивается, отец зубами скрипел? От второй жены у него уже народилось пятеро детей, в том числе трое сыновей, которые тоже пропадали во дворе Марика. Сама Рич в наследственных расчетах семейства Рейду не числилась, о том еще покойная бабка сказала. Да и зачем ей приданое от дома Рейду, когда весь дом Креча, опекаемый нынче самим конгом, перейдет к ней сразу после замужества?

Вот уж кто был героем войны, так это ее дед по матери, Седд Креча! О доблести Лебба тоже немало баллад сложено было, но все-таки ее отцу до предпоследнего конга далеко. Слишком уж он о собственной доблести и славе пекся. Да и до нынешнего конга ему неблизко, хотя и стар уже стал Снат Геба.

Жаль только, что пока еще Рич носит имя Рейду, а не имя Креча. Вот бы она стала танкой без всякого замужества! Стала же танкой мать Жорда Олли. Дед его, Касс Олли, не оставил сыновей. Так ничего – вышли его дочери за сотников. И пусть сын старшей дочери умер, в конце концов у младшей дочери родился Жорд и стал наследником богатого дома, а отец его так и остался дружинным, – не дала ему дочь Касса танского титула.

Может быть, случись подобное с Рич, отец совсем махнул бы на нее рукой и перестал испепелять взглядом, словно она сама убила собственную мать, а не поганые хенны, ворвавшиеся в Скир почти семнадцать лет назад?

Как все-таки странно складывалось все, связанное с нею самой! И эти песенки, которых она никогда не слышала, но которые сами просились на язык. И заклинания, которые всплывали в голове сами по себе. И манускрипты, которые она готова прочесть наизусть, разобрав только две или три первые строчки... Да и внимание того же Сната Геба, который лично присматривал за ее родовым домом, немало стоило!

Ирунг, когда еще был жив, специально приплывал в далекий Гобенген, чтобы похлопотать о месте для Марика Дари в доме Рейду, да погладить по голове маленькую Рич. Место для Марика было получено, хотя и платил самому северному из всех балль лично Ирунг, но теперь именно родич Ирунга был готов на части разорвать ненавистную девчонку! Нет, неспроста скрипит зубами Сайс Стейча, где бы ни столкнулся с Рич!

Да и Рейла Ойду забывать не следовало. Его дед, Димуинн Ойду, был последним конгом перед войной с хеннами, как раз перед дедом Рич – Седдом Креча. Да и последний стал конгом не просто так, а после того как бабка Рич убила предыдущего конга. Именно так: убила страшной магией деда Рейла Ойду. И деда Жорда Олли убила, кстати, точно так же и в тот же день! А была она настоятельницей храма Сето! Вот откуда и ненависть Майки. Верно, что-то такое узнала девчонка в далеком храме о бабке Рич. Конечно, другая бабка Рич, мать Лебба Рейду, говорила, что и Димуинн Ойду, и Касс Олли погибли во время последнего похода на балль, но Мэйла, сухая наставница, почти старуха, что управлялась с мечами почти так же, как и хозяин заведения Марик, рассказала совсем другую историю. А Мэйла никогда не врала. То есть или молчала, или говорила правду.

Хотя лучше ненависть Рейла и Сайса, чем отвратительная угодливость и противное немое обожание Жорда Олли. Вот и теперь он выпучил глаза, даже дыхание затаил, рассматривая нахмуренный лоб Рич. Так кто же поцарапал ей руку? Кто?.. Рейл, Сайс, Фарисса,

Херг, Майка? Каждый мог бы при изрядном усердии сплести наговор, да и прочие далеко не бездари – не берут случайных людей в школу Ирунга!

– Так как же и где следует пересекать линии магической фигуры, после того как к ней приложена сила? – раздался спокойный голос Лайриса над самым ухом девчонки.

«Вот ведь въедливый рисс! – выругалась про себя Рич. – Уже и Суррары никакой нет, маги рисские по всей Оветте развезены, некоторые говорят, что повырезали их всех, а этот, наверное, выбившийся из мелких колдунов, выжил, уцелел, добрал до Скира и чувствует себя лучше многих сайдов! Правду ли говорят, что если бы не его умение скрывать искры в левом глазу...»

Рич медленно развернулась и встала. Не отказала себе в удовольствии посмотреть на сухопарого наставника сверху вниз. Не мог похвастаться ростом рисс, однако и маленьким бы его никто не назвал. И уж никак не был виноват Лайрис, что вытянулась его ученица – сирота при живом отце – выше четырех локтей, еще чуть-чуть, и «мачтой» бы окликали. Уперся взглядом побледневший наставник в ямочку на шее озорной ученицы, но глаз не поднял, только лоб его, на котором серым кружочком виднелся след от сведенного жрече-ского клейма, покрылся испариной.

– Вовсе не следует пересекать линий магической фигуры после приложения силы, – прищурилась Рич. – Да и до приложения не следует. Во всякой линии, пусть даже не замкнута она на другую, не сведена воедино в фигуру, сила поселяется немедленно после ее проведения.

– Однако имеются и обратные примеры! – начал вычеканивать Лайрис. – Те же хеннские шаманы не просто пересекают линии составленных ими фигур, а танцуют над ними!

– Но не ступают на линии! – ухмыльнулась Рич. – Хотя для магии, заключенной в рисунок, разницы нет. Так ведь у хеннов и расчет другой, они же силу не в линиях и углах вычерченной фигуры копят, а внутри нее. Оттого и магия их, пусть порой она и разрушительна, не может похвастаться точностью!

– И все-таки, – прошипел, едва сдерживаясь, Лайрис, – некоторые построения заканчиваются в центре фигуры! Как ее покинуть?

– Взлететь? – сделала невинное лицо Рич и, когда рисс уже пошел пятнами, добавила: – Или выйти между разнонаправленными вихрями.

– То есть? – Наставник наконец-то поднял глаза, и в его левом зрачке недобро сверкнули искры.

– Все просто, – улыбнулась Рич, рассматривая начинающие редеть, коротко остриженные седые волосы рисса, обтянутый пергаментной кожей лоб, провалы усталых глаз, пропущенные дрожащей рукой бладобрея искры щетины у крыльев носа, в ямочке под нижней губой, жилку, бьющуюся на виске. – Войти внутрь фигуры можно между разнонаправленными вихрями, которые вращаются относительно наблюдателя внутрь, выйти из фигуры – там, где вихри вращаются наружу. Если все вихри вращаются в одну сторону, то есть фигура имеет редкое свойство дробленного однонаправленного вихря, тогда переходим линию близ нужного нам завихрения подальше от неудобного смерчика. Пятки покалывать будет, да никуда не денешься. Правда, я думаю, – Рич наклонилась и перешла почти на шепот, – что можно просто накрыть один из вихрей ладонью и пройти куда хочешь!

– Тихо! – взвизгнул рисс в ответ на шумок на задних столах и почти засипел, стараясь удержаться от крика: – Но как определить, в какую сторону вращаются вихри, которые, как ты должна помнить, образуются в точках явного и неявного пересечения линий? Ты выучила канон расчетов?

– Нет, – потупилась Рич и буркнула, с раздражением вспомнив царапину на руке: – Зачем его учить? Я и так вижу!

– Видишь?! – выпучил глаза наставник. – Так будь добра, достань яблоко!

Рич вздохнула, дернула плечом из-за раздавшегося за спиной хихиканья и подошла к столу. Яблоко поблескивало румянцем на круглом блюде в центре тяжелой гранитной плиты. Фигура была вычерчена внутрь, то есть вся ее магия была направлена именно на яблоко. Восемь точек располагались на окружности, соединяясь попарно линиями, минуя две соседние. Еще четыре точки лежали на окружности меньшего диаметра, соединяясь в квадрат, линии которого пересекали четыре внутренних угла фигуры из восьми. Яблоко замерло точно в центре получившейся сложной звезды. Вроде вот оно, рядом, а попробуй только сунься – на каждом пересечении, на каждом острие фигуры темнел крохотный кусочек древесного угля, и мутноватый вихрик, который вздымался над ним, ясно говорил: любое нарушение – и яблоко разорвется на мелкие куски и полетит именно в ту сторону, откуда потянется любопытная рука. Хорошо еще, если просто разорвется, а то ведь древесный уголь еще и поджарить неумеху может!

Под усиливающиеся смешки Рич обошла стол вокруг. Конечно же, Лайрис не мог обойтись без подвоха – она поняла это еще на первом занятии, когда обычный треугольник, вычерченный на мокрой плите, вдруг обдал ее ледяной водой. Но не специально ли для нее был придуман именно этот фокус? Линий практически нет, вместо них еле различимые царапины. Угольки – не угольки, а словно крошки. Кто еще, кроме нее, способен разглядеть вихри? Половина школьников – точно, как раз те, кто смотрит спокойно и не жмурится. А кто способен разглядеть направление вращения? Пожалуй, Фарисса и Херг. То-то они посмеиваются. Один Жорд вытирает взопревший лоб – волнуется поклонник. Так в чем же подвох?..

Сколько внешних концов у звезды? Двенадцать. А Лайрис начал урок с обещания построить плавающий тринадцатигульник. Плавающий... Или ползающий?

Древесный жучок скользил лапами по красноватому камню, но не мог выползти за пределы полосы, образованной двумя невидимыми окружностями. Почти невидимыми. Точно такими же, как и тончайшие нити-линии, что соединяли «плавающее» тринадцатое острие фигуры с двенадцатью прочими углами и с самим яблоком. Но вихрь, который вращался над жучком, имел иное направление. Оказываясь против каждого следующего вихря, жучок невольно ослаблял его, и не только несовпадением магического круговорота, но и переносом давления фигуры – ведь он превращался из тринадцатого в двенадцатый угол, удлиняя один из лучей получающейся звезды.

«Вот и весь секрет», – подумала Рич и уже приготовилась запрыгнуть на стол, чтобы, прикрываясь жуком, прокрасться эти четыре шага до яблока, а потом сделать еще четыре шага наружу – плевать, что на это уйдет изрядная часть занятия, – как вдруг передумала. Недруги-то вдоволь натешатся над нею, даже победа не будет в радость! Да и уж больно быстро усмешка начала наползать на губы Лайриса. Так и есть! Тринадцатая нить. От жука к яблоку. А если быть точнее, то от яблока к жуку. Она сделает все, как надо, а затем жучок догонит ее уже на краю стола и, скорее всего, полыхнет перед посадкой.

Рич приняла решение мгновенно. Марик в таких случаях говорил, что она отдалась приступу внезапной дури, но именно это состояние и выручало время от времени. Рич коснулась панциря жука пальцем, повела руку вверх, поймала кончик вихря и раскрутила его в обратную сторону.

Зачем она это сделала? Наверное, ровно затем же, зачем на второй неделе занятий с интересом устраивала перед носом старика Вертуса маленькое стихийное бедствие после каждой его фразы, к примеру: «А теперь представьте, скажем, молнию!..» Кстати, именно тогда Рич и перекочевала за первый стол.

Она раскрутила вихрь жука в обратную сторону и потянула его вниз, как бы выворачивая наизнанку. И в то же мгновение все двенадцать крошек угля вспыхнули, пересечения линий выщелкнули синеватыми искрами, яблоко оказалось в руке Рич, а что-то, напоминающее формой большого горящего жука, с грохотом и дымом прорезало центр стола вместе

с блюдцем и зашипело на полу. Стол покрылся трещинами и сложился внутрь. Моргая от взметнувшейся пыли и потирая уши, школяры смотрели на ровесницу вытаращенными глазами.

«Пересаживанием на первый ряд не обойдется», – растерянno подумала Рич, откусила кусок яблока и поморщилась.

– Урок закончен, – с трудом овладел трясущимися губами Лайрис, не сводя негодующего, смешанного с испугом взгляда с ученицы, и вытер вспотевшие ладони о цветной, разукрашенный магическими линиями балахон.

– Яблоко кислое, – пожаловалась Рич.

Если яблоко и было кислым, то после разговора с Бравусом даже оно вполне могло наполнить рот сладостью. Жрец храма Мелаген, который традиционно надзирал за школой, тем более что располагалась она в храме, неторопливо вышагивал вокруг поставленной на колени Рич и гнусавил что-то о послушании и смирении, не забывая время от времени оказывать девушку прониканием ничтожности, отчаяния и тоски. Заклинания, затвержденные за десятилетия, стекали с пальцев жреца легко и непринужденно, без щелчков, и разили неутомонную дочь Лебба Рейда в грудь, в голову, в живот, в колени и локти, наполняя ее тело ноющей болью, а голову ужасом и стыдом. Именно так полагал Бравус, и Рич вовсе не собиралась его разубеждать, хотя коленям не нравился только холодный камень, а самой жертве жреческого негодования – всего лишь голос наставника и его напыщенный вид. Еще сдернет с шеи подарок матери – ожерелье из странных зеленоватых камней, что не только скрывали Рич от надзора храмовых соглядатаев, но и защищали ее лучше любого магического доспеха. Тогда уж точно придется самой сплести отводящую сетку, и хотя сотворила бы ее негодница за мгновение, рано или поздно попала бы под руку наставнику Вертусу, а уж тот, хотя и не поднимал почти никогда глаз, видел все, что творилось и ворожилось вокруг него. Не хуже самой Рич видел. К счастью, Бравус Вертусом не был и видел перед собой только раскаявшуюся и почти сотрясаемую рыданиями дочь уважаемого тана Рейду.

– Что ж, – сокрушенно вздохнул толстый храмовник, – ты все поняла?

«Все!» – судорожно закивала Рич и исторгла из глаз загодя приготовленные слезы.

– Ну, ладно-ладно, – смилостивился Бравус и перешел к делу. – Конечно, мне предстоит еще разговор и с твоим отцом. Школа магии понесла по твоей вине серьезный убыток, но без наказания ты не останешься в любом случае. С завтрашнего дня в обеденное время будешь приводить в порядок главный зал храма. И помни: ни твоя учеба, ни твоя помощь храмовой лекарской не должны пострадать никаким образом. Лучше умерь свои занятия в заведении мастера оружия Дари. Поняла?

«Ни за что!» – подумала Рич, кивая Бравусу с раболепным выражением лица.

Старик удовлетворенно кашлянул и отправился по своим делам.

Рич дождалась, когда тяжелая дверь за Бравусом закроется, и ловко кувырнулась через плечо вперед, вскочив через мгновение на ноги. Следовало бы поупражняться в таких кувырках с ножами и с мечом в руке, но вряд ли отыщется на подобные забавы время в ближайшие дни. Хорошо еще к уборке приступить не сегодня!

Рич вскочила на невысокий постамент и оглядела полутемный зал. Служба в главном зале храма Мелаген не велась еще с войны, с тех пор как ворвавшимися в город хеннами было уничтожено изваяние бога Сади, лежавшее сотни лет на том самом камне, на котором теперь стояла Рич. Хорошо еще, что последняя уборка была проведена не семнадцать лет назад, но повозиться придется. Узкие окна-бойницы были прикрыты снаружи толстыми ставнями, а изнутри – войлоком, но даже в полумраке странно прохладный огромный зал не блистал чистотой. А уж пыли и паутины в темных углах, до которых едва достигали блики нескольких светильников, скопилось немало. К тому же в центре зала несколько плит были

разбиты и закопчены, словно с потолка ударила молния. Или кто-то жег костер прямо на полу храма?..

Рич подошла и провела рукой над черным пятном, всмотрелась в выщербленное отверстие в камне, словно заглянула через замочную скважину в комнату, в которой нет окон. Незнакомая магия коснулась ее ладони, как слабый сквозняк или отголосок старого колдовства, почти неразличимый. На мгновение в сердце девчонки закралась боль, но Рич мотнула головой и презрительно усмехнулась: «Со мной эти магические шуточки не пройдут!» С этими словами она выпрямилась и быстрым шагом направилась к выходу.

Близилось время обеда, со стороны храмовой кухни тянуло запахом печеной птицы, которым в День доблести пропахнет весь город, но дочь Лебба Рейду предпочитала обедать в заведении Марика, и не только потому, что не хотела видеть недовольные физиономии школьников. В кухне Марика заправляла прекрасная Ора, и вновь попробовать чудесных кушаний мечтали многие из тех, кто хоть раз присел за стол в доме Дари.

Улицы Скира были пустыни. Аилле раскалил мостовую и каменные заборы так, что прислонившийся к ним рисковал получить ожог. Все, кто только мог, попрятались в тень. Именно в такие дни Рич с тоской вспоминала холодное лето Гобенгена. И зимы в Гобенгене были лучше. Снег и мороз, конечно, тоже не избавляли тело и дух от испытаний, но переносились легче, чем сырые ветра Скира. Ничего, во дворе заведения Марика найдутся и тень, и ведро воды, чтобы опрокинуть его на голову, да и до конца жаркого лета осталось недолго. Рич закутала голову платком и быстрым шагом устремилась вверх по улице.

Заведение Марика примыкало к дому Геба, располагаясь в здании бывшей конюшни, но старшего наставника это не смущало. Чистота и порядок в его представлении значили больше показной роскоши и каменного чванства. Лучший воин Скира думал лишь о том, чтобы его школа обрела славу лучшей школы воинского мастерства во всей Оветте, и не отвлекался на малозначительные мелочи.

Сейчас, в последний месяц лета, в который по обычаям сайдов большая часть отпрысков танских родов разъехалась по летним усадьбам, заведение Марика пустовало, и Рич рассчитывала отдохнуть в доме, который она считала родным, и от высокомерия Лайриса, и от глупости и неприязни соучеников, и от пустой напыщенности Бравуса. Кроме всего прочего, Рич просто-напросто любила гомон, стук деревяшек, звон железа и запах свежего пота, обычно наполнявшие помещения школы. Но главное, что в заведении названного дяди Рич никогда не приходилось притворяться кем-то, кем она не была.

Все-таки хорошо, что Марик не хватался за любые предложения заработка, всегда присматривался к будущим ученикам, долго разговаривал, прежде чем согласиться на наставничество, не всякого вельможного сынка принимал в объятия и, кстати, никогда не брал в обучение рабов. Не готовил лучший мастер-наставник и воинов для сражений на арене Скира, но не потому, что они стали редкими, а потому что всякий воин, вышедший из заведения скирского баль, должен был сам решать, когда ему вступать в схватку, а когда нет. Или уж выбирать со всем разумением того, кому придется служить.

Многим в Скире Марик Дари казался странным. Ну, прославился когда-то в сражении при Скоче. Тот же сотник, а потом и тысячник, Дамп и вовсе воеводой стал, но при обороне Скира никто не видел Марика, никто не мог засвидетельствовать его доблести. Хотя и ходили слухи, что он вместе с коротышкой ремини и какой-то девой порубил изрядное количество страшных рисских зверей на улицах города.

Тем не менее попал баль в любимчики к быстро стареющему Ирунгу Стейча, а там и Снат Геба о Марике вспомнил. Хотя уж и забыть о безродном следовало: и война кончилась, и Суйка вдруг из города мертвых в скопище развалин обратилась, и баль на долгие годы исчез – отправился вместе с прибывшей неведомо откуда женой-дучкой и с годовалым приемным ребенком в Гобенген.

За гроши Марик нанялся простым стражником в дом Рейду, а потом, по решению матери Лебба, стал приглядывать за девчонкой-сорванцом со странным именем Рич. Позже, когда мать Лебба умерла и новый глава дома решил вернуться в Скир (Рич как раз восемь лет стукнуло), баль тоже со всем семейством, которое уже составляло шесть человек, последовал за своей воспитанницей. Но по приезде в Скир Лебб отставил Марика от дома, оставив его с семьей на улице. Тогда же и главный заступник баль – Ирунг – умер, передав весь дом Стейча семье племянницы, которая тут же вернула себе и своим отпрыскам родовое имя. Многие танские роды поступили так же еще раньше, сразу после хеннской войны.

Но северная башня поместья Ирунга, как сразу после войны и весь дом Креча, отошла под присмотр Сната Геба. Лебб к тому времени успел жениться второй раз, ведь его первая жена – мать Рич, о которой чего только не было говорено, – сгинула в ту же хеннскую войну.

В доме Рейду появились маленькие дети. Первую дочь Лебб не то что не любил, скорее не замечал, поэтому никто не удивился, что вскоре она перешла в семью Марика. Баль, помыкавший в бедности, вдруг пошел в гору. Сам конг взял его начальником стражи, и еще удивительнее было, что дружина, состоящая из потомственных сайдов, полюбила нового старшину как родного. Так что даже острые языки уверились, будто дочь Лебба попала под покровительство самого Сната Геба, как внучка прошлого конга. Но тут домыслы жителей Скира иссякали.

Одно стало ясно: равнодушие Лебба к дочери обратилось неприязнью, а затем перешло и на Марика, хотя три наследника дома Рейду и становились воинами опять-таки под присмотром баль. И то верно, нелюбовь нелюбовью, а всякий тан считал, что его отпрыск должен стать лучшим воином Скира. И хоть многие из прошлых умельцев пытались заниматься наставничеством, но только один Марик Дари таких молодцов выпускал, что бывалых дружинных самого конга перемочь были горазды!..

Об этом и размышляла Рич, пока шла по Храмовой улице мимо роскошного дворца танов и угрюмого дома Креча, где ей не приходилось бывать ни разу в жизни. У храма Трех богов, который с наплывом иноземцев, не слишком чтящих верования сайдов, постепенно обрел имя Трех ос, имея в виду Сади, Сето и Сурру, Рич повернула направо. Миновав старый скромный дом Геба, в который конг обещал вернуться по окончании служения Скиру, толкнула ворота заведения Марика.

В просторном дворе было пусто, немногие ученики разбежались по домам. Обедали у Марика только свои и те, кто прибывал на обучение издали, но дальних учеников летом не было в городе вовсе. Посыпанную песком площадку разравнивал граблями старший приемный сын Марика и лучший приятель Рич – Тир. Двое младших – Лиди и Маэль, названные в честь отцов Оры и Марика, – азартно упражнялись с шестами, концы которых были обмотаны тряпьем. Дочь Марика – Илька, скорее всего, помогала Оре на кухне. Сам Марик сидел на скамье под колышущим листвою молодым одром, а рядом с ним улыбался розовощекий крепыш лет тридцати.

– Она вернулась! – прошептал на ухо подружке Тир. – Еще вчера утром!

– Кто? – вздрогнула Рич, так неожиданно было услышать в голосе всегда выдержанного и уверенного в себе парня волнение.

Тир, отбросив в сторону грабли, стоял напротив нее, сверкая глазами. Волосы его были взлохмачены, высокий лоб блестел, тонкие черты лица, выдававшие примесь корептской крови, дрожали.

– Моя мать! – чуть слышно пробормотал он.

Глава вторая

Марик

Всякий раз, когда Марик видел, что с Рич опять ничего страшного не случилось, он вздыхал с облегчением. А ведь было время, даже радовался, что вместо цветка растет в доверенном ему саду жгучая колючка. Нет, внешность-то у Рич была самая что ни на есть цветочная, а проще говоря, исключительная, поскольку, если ее мать была первой красавицей Скира, то дочка взяла от мамы все лучшее, да умножила это на породу дома Рейду. То есть довела прекрасные черты лица мамочки до совершенства, почти догнала Марика ростом, отрастила на время гриву светлых, отливающих золотом волос, научилась улыбаться и шуриться так, что у посеченных шрамами скирских ветеранов отнимался язык, а младшую поросль вовсе охватывал столбняк, но все остальное...

«Смерч!» – говорила о почти приемной дочке Ора. «Разбойница!» – довольно улыбался Тир. «Аиллюшка», – смеялась Илька. «Вредина!» – с затаенным восхищением шурились Маэль и Лиди. «Дочка», – говорил о ней Марик. Или «Рич», поскольку имя девчонки на бальском языке ровно то и означало: дочь.

Она и в самом деле больше всего напоминала выбравшийся на сушу морской смерч. Как говорил когда-то наставник еще молодого Марика – старый колдун Лируд, хочешь узнать человека, разбирай оставленный им след. Так вот, следов Рич не оставляла, потому как назвать следами развалины и пожарища у Марика не поворачивался язык. «Смерч», – повторял он вполголоса прозвище, данное девчонке Орой, а вслух все равно называл наследницу дома Креча дочкой.

Однажды он попробовал следить за ней, чтобы приструнить непослушную, но махнул рукой уже к обеду. Угнаться за нежным созданием с характером неугомонного зверька не было никакой возможности! Кажется, только что она мелькнула на нижних ярусах дома Рейду в Гобенгене, и вот уже окликнула Марика с маяка. Недавно он видел красный плащик на вершине прибрежного холма и тут же обнаружил ее плавающей вместе с Тиром на льдине в гобенгеновской гавани! А сколько синяков, шишек, царапин приходилось прижигать и смазывать Оре?.. Даже Тир, который хоть и был рассудительнее подружки, но тоже легко загорался всеми исходящими от Рич приключениями и забавами, не принимал на свое лицо и тело столько целебных снадобий. Может быть, именно поэтому красота разбойницы-непоседы расцвела, словно в один день?..

Как-то раз Ора, как обычно, протерла всегдашние царапины настоем горькой травы, сняла компресс с разбитой, но уже подзажившей губы девчонки, и Марик ахнул. На коленях у его очаровательной жены, любимицы всего Гобенгена, лучшей лекарки северной столицы сайдов, сидел не юркий зверек, который только и ждал, когда хозяин его зазеваается и ослабит хватку, а ерзало прекрасное создание, место которому было в каком-нибудь хрустальном дворце, построенном на перистом облаке, а не в сырых коридорах древних башен северной земли!

– Красивая девчонка – наша Рич, правда? – прогудел смысленый Тир, а Марик под звонкий хохот Оры только почесал затылок, да отправился на берег моря обдумывать, как же ему справиться не просто со смерчем, а со смерчем-красавицей.

Справляться не пришлось. Нет, Рич вовсе не перестала доводить Марика до белого каления, но забавы ее постепенно стали иными. Как-то незаметно она перестала забавляться только ради возможности подурачиться и, главное, перестала делать глупости. Марик тем не менее продолжал присматривать за Рич и в какой-то момент решил, что если уж ничем, кроме внешности, она не напоминает девчонку, так и воспитывать он будет ее как мальчишку.

Вручил тонконогому существу шест, деревянный меч и начал поднимать Рич рано утром вместе с Тиром и гонять по сопкам. Заставлял обливаться холодной водой, подтягиваться на балках-перекрытиях, сражаться потешным оружием, бороться, захватывая друг друга на покрытых циновками каменных плитах, и, надо сказать, кое-чего добился. Рич посерьезнела: времени и сил на забавы ей стало не хватать, да и нелегко было соревноваться с Тиром, который удивлял способностями и упорством даже самого Марика. Но уступать не хотела и она. Поэтому, стиснув зубы, снова и снова вставала и бежала, сражалась, боролась, подтягивалась, пока не стала не только для ровесников, но и для любого из молодых парней Гобенгена серьезным противником в схватках с потешным оружием. А что ей тогда было – каких-то восемь лет!

Вот в те дни Марик впервые и задумался об открытии, как он потом стал говорить, заведения по обучению воинскому умению.

А потом семейство Рейду вернулось в Скир. За ними последовал и Марик. Хотя Лебб, пользуясь смертью покровителя баль Ирунга, отказал наставнику дочери от дома, но в столице все постепенно сложилось самым лучшим образом. Отец Рич не сам, а через своего сотника (да, видно, не по собственному желанию, а по настоящему наущению Сната Геба, помощником которого он вскоре стал) вовсе переложил все заботы о Рич на Марика.

Тот же поступил на службу к конгу, отдал ему шесть лет старания и труда, включая мудрые советы и подсказки (вот уж чего Марик никогда не заподозрил бы за собой сам), влюбил в себя всю сайдскую дружину, а потом получил от Сната Геба в качестве награды старую конюшню с прилегающим двором. Вот тут и пришло время исполниться его мечте.

Еще чуть больше года девчонка вместе с приставленной самим конгом к Марику воительницей Мэйлой упражнялась в наспех облагороженном дворе тогда еще не слишком известного заведения, а потом Марик отдал Рич в школу магов. Труд это никакого не составило. Оказалось, что Ирунг еще до своей смерти сделал соответствующие распоряжения и даже заранее оплатил три года обучения для первой дочери Лебба Рейду.

К сожалению, о Тире он не подумал, а у самого Марика лишних монет для обучения колдовству удивительно способного парня не нашлось, но тут дело взяла в свои руки Рич. Каждый вечер она стала вытаскивать Тира во двор и там в подробностях пересказывала все услышанное и обучала всему, что узнала от наставников. К ним тут же прилипали Илья, Лиди и Маэль. Ора начинала ругаться, но делала это вполголоса, потому как от радости заливалась краской. Ребята были смышленными, кое-что у них получалось быстро и легко, но с Тиром тягаться было сложно. Тира перещеголять могла только Рич. Что уж тут говорить – делала она все легко, красиво и, что удивило Марика, по-доброму, волнуясь за приятеля больше, чем он сам. Правда, в школе магов девчонка продолжала потешаться над соучениками и наставниками, отчего Марик имел постоянную головную боль.

– Хорошая девчонка выросла, – по поводу и без повода повторяла Ора и тут же добавляла: – Но смерч!

А Рич будто слышала слова приемной матери и старалась им соответствовать в полной мере. Вот, расколотила дорогуший стол для магических опытов. Стоит теперь, шепчется о чем-то с Тиром, сама почти с него ростом, для удобства в упражнениях с мечом с коротко постриженными – пучок не затянешь – волосами, красивая и неукротимая, приемная дочь Марика Дари. Да, есть чем похвастаться перед Насьтой. Тем более хоть и бывал изредка Марик в заповедных реминьских краях, зато приятель его в Скире не показывался уже давно!

– Вот и Рич, – улыбнулся баль и хлопнул по скамье рядом с собой. – Садись-ка, дочка. А это мой давний друг Насьта!

Ремини расплылся в улыбке, Рич улыбнулась в ответ, хотя впору было вытаращить глаза: ведь Насьте, о котором она была наслышана, должно было исполниться уже почти

шестьдесят лет, а перед ней сидел не только не старик, но как бы не ровесник Марика! Впрочем, на первое время были заботы поважнее, чем знакомство с давним приятелем семейства Дари. Рич обернулась к баль и тут же состроила на лице самую скорбную из всех возможных гримас.

– Я опять с горестными вестями. Сломала каменный стол наставнику Лайрису!

– Знаю, – вздохнул Марик. – Прибежал уже твой воздыхатель, Жорд Олли, кричал, что Бравус увел тебя в главный зал распекать за разбитый стол, требовал, чтобы все заведение с деревянными мечами отправлялось на выручку. Еле уверил его, что ты с Бравусом сама справишься... Вдребезги?

– На куски! – вздохнула Рич.

– Вот такой толщины была плита! – повернулся к приятелю баль, растопырив большой и средний пальцы.

– Вот такушки, выходит? – восхищенно воскликнул Насьта. – А тому ли она учится в этой школе колдунов? Я вот через Суйку добирался, так старина Дамп жаловался, что не хватает у него в подрядных каменщиков. Может быть, дочку твою туда отправить, Марик?

– Это зачем же? – насторожилась Рич.

– Ну как же?! – Насьта хлопнул ладонями по коленям. – Камни дробить! Вот такушки, моя дорогая! Зачем же такие способности на дорогушие каменные столы обрушивать? Для того существуют крепкие скалы!

– Да это он сам, Лайрис этот, такое заклинание слепил... – начала было оправдываться девчонка, но, поймав на лице ремини потаенную усмешку, зарделась, махнула рукой и побежала к умывальникам.

– Красавица! – покачал головой Насьта. – Поверишь, когда в ворота вошла, у меня дыхание перехватило, так она на мать свою похожа!

– Только выше на голову, – хмыкнул Марик. – Да волос у нее... золотой! Ора до сих пор косу, что девчонка сама себе отрезала, хранит!

– А так-то, ну вылитая Кессаа! – вздохнул Насьта.

– Как твой отец? Все стучит по наковальне мастер Уска? – спросил баль. – Как старик Анхель?

– А что им сделается? – потянулся Насьта. – Отец все так же возится с железом, благо ваш конг каждый год заказывает у него меч, чтобы вручить его лучшему молодому воину на День доблести, и не обманывает с оплатой. А Анхель тоскует по талантливым рукам и лечебным мазям Оры.

– Ну уж так и тоскует? – послышался голос жены Марика, и хозяйка вынесла к столу котел с ароматным радучским кушаньем.

Шестнадцатилетняя Илька, словно копия матери – такая же темноволосая, с мягкими, добрыми чертами лица, несла за ней котелок поменьше, следом загремели блюдами Маэль и Лиди. Тир тут же притащил скамью, чтобы все семейство уселось с возможным удобством.

– Не спеши! – остановила его Ора. – Пойдем-ка, поможешь мне на кухне, да и мясо подходит. И присмотреть надо за мелкими, чтобы руки как следует вымыли.

Тир понимающе улыбнулся Марику и отправился вслед за хозяйкой.

– Хороший парень, – сказал Насьта.

– Точно так, – кивнул Марик. – Хотя я и боялся, что проснется в нем что-то от его отца. Все-таки степным таном он был – владыкой, едва не покорившим всю Оветту! От таких людей семена непростые разлетаются. И если уж семя росток дало, так и плодоносить деревце мелкими плодами не будет. Порой казалось мне, что есть в парне какая-то червоточинка – то ли в уголках глаз, то ли в уголках губ, не знаю, тревога до сих пор гложет. Но если что и проявилось в нем от отца, то направлено оно правильно, а не поперек. С другой стороны, отчего бы ему было не пойти в мать?

– А ведь не нашли старатели Сната Геба тело Лека, – заметил Насьта. – Почитай, каждого мертвого хенна, кроме тех, что под стенами от колдовства сгинули, осмотрели. Не было среди мертвых Лека!

– Так и тело рисского мага и правителя Заха среди убитых риссов тоже не нашлось, – пожал плечами Марик. – Однако за прошедшие годы ни тот, ни другой так и не дали о себе знать! Если помнишь, плененные риссы вслед за хеннами уверяли, что погиб старший жрец Суррары, хотя веры у меня им как не было, так и нет. Уж больно подозрительной мне показалась их убежденность в этом. С другой стороны, где они тогда? Если Зах еще мог забиться в какой-нибудь угол, то Лек вряд ли. О том, что в степи происходит, сразу известно становится. Нет Лека ни в одном из родов, вся его дальняя родня откочевала к югу, а ближняя – его же усилиями почти стерта со степных равнин.

– Тир знает? – спросил Насьта. – Рич?..

– И тот, и другой знают все или почти все, кроме того, что случилось в храме Меллаген. – Марик хмуро постучал по столу пальцами. – Ну и еще кое-что в тумане для них скрывается. Но чувствую я, придется им скоро поведать о произошедшем в храме в подробностях. Однако ни Рич о том, как она появилась на свет, ни Тиру о пребывании его матушки под покровительством Лека говорить пока не хочу. Да и сам я не многое знаю. Только то, что Айра успела поведать Оре. Может быть, так сложится еще, что Айра сама все расскажет. Тиру уж точно.

– Значит, она вернулась? – замер Насьта.

– Не знаю. – Марик расцепил сплетенные пальцы. – Или она уходила куда? Ручкой на прощание помахала? Ничего тебе не скажу, но Тир второй день сам не свой: говорит, что чувствует мать. Близко она. Что ж, увидим. Ты-то ведь не затем в эту даль тащился? И без тебя хватало гонцов, чтобы привезти конгу дорогой подарок.

– Не затем, – усмехнулся ремини. – Мог бы, конечно, сказать, что решил посмотреть на твоих детишек, пригласить все семейство в гости, попробовать стряпни Оры, так ведь не поверишь, хоть я и не совру.

– Почему же? – улыбнулся Марик. – Поверю!

– Он оживает, – прошептал Насьта.

– О ком ты? – напрягся баль.

– О нем! – Насьта стер с лица улыбку. – Вот такушки, дорогой мой! Или ты не понял до сих пор, что демон – или кто там управлял Мертвым городом – не изгнан и не уничтожен, а всего лишь затаился и ждет?

– Чего он ждет? – Марик смахнул со лба холодный пот. – Объясни толком! Или ты не знаешь, что сразу после войны Ирунг все окрестные земли перевернул, каждого младенца на учет поставил? Весь храм Меллаген линиями исчертил, сколько магических минералов перевел! Он сам мне говорил, что запах нечисти чувствует, а разглядеть не может. Ничего ему вызнаться не удалось, да и сколько лет прошло...

– А сколько лет прошло, как зло в Суйке затаилось? – спросил Насьта. – Сколько поколений сменилось, пока изошло оно оттуда?.. Нет, баль, все не так просто. Ирунга уже нет, но попомни мои слова: добром все это не кончится! Старик Анхель мне так сказал: гудит что-то. Гул какой-то стоит, словно кто-то огромный шевелится в земле, горы дрожат. И тени в воздухе вьются. Не простые тени, а словно разодранные в клочья! Те самые, которым давно уж пора у престола Единого обретаться! Но главное – это гул. Раздраженный гул! Злобный! Маги – они чувствуют...

– Вот ведь как! – крикнул Марик. – Вдалеке, значит, – демон разберет где – чувствуют, а у нас тут словно ослепли и оглохли? Да в Скире только храмовников-жрецов за тысячу балахонов!

– А ты не шуми! – похлопал приятеля по плечу Насьта. – Или в храме, что балъ на холме в своих лесах восстановили, не бывал?

– Бывал я в храме Исс, – кивнул Марик.

– Ну так и я бывал, – хмыкнул Насьта. – Знаешь, как там? Подходишь к стене и слышишь, о чем шепчутся люди у противоположной стены, а о чем жрец бормочет в центре зала, не разберешь! Так и здесь. А если добавить, что тот, о ком речь, не хочет, чтобы его услышали, то и вовсе страшно становится. Я думаю, правильно, что Ирунг его искал, жаль, что не нашел. С другой стороны, ну нашел бы он его? Как бы тогда все обернулось? Все-таки в теле он. В ком-то из тех, кому теперь от семнадцати или чуть старше. Анхель в демонах не разбирается, конечно, но рассуждает так: одним лишь можно объяснить то, что у нас были эти семнадцать лет, – он в теле молодого человека, а войдя в него, вынужденно движется к взрослению, как и этот человек.

– И что будет, когда он повзрослеет? – после паузы спросил Марик.

– Суйка будет! – стиснул зубы Насьта. – Мертвая земля от Сеторских гор до исхода Великой Степи. А может, и того хуже! Но как бы ни вышло, все одно – бойня. Кровавая бойня!

– Подожди! – нахмурился Марик. – Что ж ты сразу похоронную службу начинаешь? А если нет никого? Если тогда, в Храме, когда мать Рич в пепел обратилась, а мать Тира исчезла, если тогда он убит был?

– Да не был он убит! – поморщился Насьта. – Ну если ты Ирунга не слушал, собственные ощущения вспомни. Рассекла Айра связь и сгинула. Может быть, оттого и притаился звереныш, что связи той лишился. Помнишь слова на руке Кессаа?

– Зеркало. Кинжал. Пуповина. Зверь. Ребенок... – пробормотал Марик. – Через все прошли, зеркало уничтожили, кинжалом его пронзили. Пуповину, как сказал Ирунг, рассекли, отрезали зверя от звереныша. Вот до ребенка-звереныша только не добрались. И теперь он уже не ребенок, – добавил балъ и потер запястье. – Да, хотелось бы поговорить с Айрой, если уж она жива осталась, многое могла бы рассказать!

– Что там рассказывать? – Насьта приподнял крышку на котле, жадно втянул ноздрями аромат. – Как бы драться не пришлось!

– Значит, помогать приехал? – Марик опустил локти на стол.

– Да, парень, – стер с лица улыбку ремини, – помогать. А если надо, так и погибнуть с тобой рядом! Правда, просьба у меня на этот случай одна имеется.

– Начинается! – скривился Марик. – Камень надгробный заказать, что ли, хочешь? Это ты теперь Рич проси, она у нас умелица по камням.

– Камень мне на посмертной тропе не понадобится, – вздохнул Насьта. – Да и не люблю я тяжести таскать. Ты же летописи свои продолжаешь? Записываешь: что случилось, что узнал, что вынюхал? Собираешь историю Оветты?

– И про это вызнал! – хлопнул ладонями по столу Марик. – Так не я первый, не я последний.

– Напиши обо мне, – попросил, приосанившись, Насьта. – Вот все как есть, так и опиши. Только роста мне прибавь полтора локтя, плечи сделай шире, опиши, что девки меня любили, да о всяких глупостях умолчи – ну, как мы с тобой в провал в Суйке попали, и о прочем похожем, – мало ли чего приключалось? Хорошо?

– Ну выдал задачку! – вытаращил глаза Марик. – Ты уж лучше не помирай пока, а то ведь я вратъ не люблю. Ремини долго живут, вот и будешь за меня дописывать хронику мою, сам все поправишь!

– А ведь плохо тут будет скоро. – Насьта снова стал серьезным. – Может быть, отправить твоих к моему отцу? В Репте ремини торговый двор держат. Да-да, не удивляйся, меня-

ется кое-что под Аиле. Так вот, если туда с правильной весточкой добратся, подбросят до родных мест!

– Хорошо бы, – задумался Марик. – Только не поедут. Хотя... Ты лучше скажи, с чего это ты о Леке вспомнил?

– Так объявился он, – понизил голос ремини. – Сведения верные. Я в Деште на рынке неделю крутился, там слухи побойчее скирских летают. Видели его, с ним небольшой отряд – человек пять или шесть или того меньше. А скрывался он эти годы в горах, точно тебе говорю, больше негде, он же по матери – корепт. Говорят, что в Скир собрался, якобы убить Сната Геба или должок какой получить. Только не маловато ли против Скира пятерых или шестерых воинов? Я так думаю, а не за Тиром ли он сюда движется?

– Зачем ему Тир? – нахмурился Марик.

– По степи слух идет, что родила жена Леку сына с отметками великого танства и что только он, отмеченный богами, способен вернуть посрамленной степи былую славу.

– Тира я Леку не отдам! – вскочил Марик. – И об отметках этих даже думать не хочу. Он как сын мне! А через два дня испытание пройдет, так и вовсе воином конга станет.

– Так пусть становится, кто же спорит? – развел руками Насьта. – Да и мне имя не Лек вовсе. Ты не ори, мы же не в бальской деревне на сходе! Ты складывай новости в голову, складывай. Разбираться со всем придется. Я так думаю, если Лек отыскался, так и Зах может отыскаться. О нем тоже поговаривают. Слышал я в том же Деште, что случались у них посреди дня сосульки ледяные на крышах, но пуще всего мне хотелось бы встретить кое-кого еще!

– Некого больше искать! – хрустнул пальцами Марик. – Айру бы найти, а остальных поубивало уж точно. Ни одного высшего мага Суррары в живых не осталось, кроме пропавшего Заха, да и тот давно сгинул, думаю. Ни одного хеннского шамана из старших! Больше половины скирских танов полегло! Да и Арух, помощник конга Димуинна, мертв. Ирунг о том совершенно точно сказал.

– А Сади? – прищурился Насьта. – Или зря я тогда на дудке играл, из пустоты его выкликал? Куда он пропал?

– Так ты веришь, что тот, кого сайды считают богом, тот, кто пролежал тысячи лет каменной глыбой, в тот самый день ожил и все еще бродит тропами Оветты? – удивился Марик. – Так ведь Ирунг говорил, что, если и отпустила Кессаа Сади, если вызволила его из камня, он на любую сторону мог уйти. Да хоть к престолу Единого! Сколько сотен лет он протомился недвижимо? Может, он прахом осыпался в тот же день. Дымом растаял! Чего ж он-то прячется тогда который год? Ему бы теперь во славе и почитании купаться!

– Дымом растаял? – хмыкнул Насьта. – Именно, что бродит тропами Оветты или сидит в укромном месте. Во славе и почитании купаться хорошо, пока ты каменным изваянием лежишь на постаменте, да пальцем шевельнуть не можешь, пока в твою честь гимны слагают. А стоит моргнуть, тут же сомневающиеся отыщутся. Вот именно то, что о Сади ни слуху ни духу, и убеждает меня в том, что мудрость он свою пока не растерял!

– Если еще жив, – уточнил Марик.

– Конечно, – согласился Насьта. – Ох, парень, смотри-ка, ты еще до сорока не добрался, а мы уж с тобой серьезные разговоры перекачивать начали. Теперь послушай вот о чем. Не только Анхель меня к тебе сюда отправлял. Мы вот с тобой слова, что словно сами по себе на руках Кессаа иссекались, вспомнили. А помнишь похожие надписи у тебя на руке? Такая же и у меня появилась месяц назад. И написано там было одно слово: Рич!

– Покажи! – подался вперед Марик.

– Так зажило уж, – пожал плечами Насьта. – Но показать есть что. Сегодня утром, когда к воротам Скира подъезжал, почувствовал. Смотри!

Ремини оголил предплечье и показал другу крохотную отметину – два штриха. Косой крест.

– Как думаешь? – прищурился Насьта. – Поцарапался я или тот, кто письма эти пишет, уже пробиться не может к письменному месту? Так, едва отчеркивает...

Побледнел Марик, как колоннада нового дворца конга, и сам рукав к локтю потянул. Точно такая же отметина и на его коже отчеркнута была.

– Может, поцарапался, но царапщик твой и до меня добрался, – хрипло заметил баль.

Ремини замер, смахнул шапкой пот с лица – даже под крону молодого развесистого одра проникали жаркие лучи Аилле.

– Значит, и вправду время, – вздохнул Марик и тут же обернулся, чтобы посмотреть, кому улыбается его гость.

– Послушай! – запричитал Насьта. – Баль! Отчего твои сыновья так долго моют руки? Аромат кушанья, что выбивается из-под крышки котла, опустошил запасы моей слюны!

– Уже-уже! – закричала Илька, а подбежавшие домочадцы Марика разом обратили тихое место в шумное гульбище.

Илька заняла место между Рич и Орой. Лиди и Маэль подсели к Тиру. Загремели тарелки, звякнули ножи, защекотал ноздри удивительный запах.

– Лиди! – Марик нашел взглядом старшего сына. – Ты Мэйлу позвал?

– Позвал! – кивнул паренек. – Да вон она!

Воительница уже шла через двор к столу. Марик скользнул взглядом по привычной сухопарой фигуре и вдруг замер. На платье старой девы не оказалось пояса. И седые волосы ее были растрепаны. Это так не походило на Мэйлу, что Марик уж решил, что у старушки случилось какое-то несчастье, но спросить ее об этом не успел. Мэйла медленно, не обращая ни на кого внимания, прошла к своему месту и села. Тир подвинул ей тарелку, старая дева наклонилась, и в то же мгновение ее голова соскочила с плеч и, разбив блюдо, с грохотом упала на стол.

Глава третья

Возвращение

– Мне определенно нравится здешняя кухня! – объявил великан Орлик, когда ранним утром троица покинула придорожный трактир, от которого до Скира оставался едва ли десяток лиг.

Начинался третий день короткого путешествия.

– Мне показалось или трактирщица тоже? – сдержанно улыбнулся Рин, поглаживая косяную рукоять меча.

– Кухня и трактирщица – это радости, которые нельзя отделять одну от другой! – доверительно сообщил приятелю Орлик. – Поверь мне, если хозяйка постоялого двора вызывает определенные чувства, значит, стряпня, ею приготовленная, достойна наполнить живот. Но верно и обратное! Если стряпня прекрасна, значит, прекрасна и стряпуха, или ее дочка, или, если уж время поистаскало бедняжку, прекрасно ее прошлое.

– Или соседка трактирщицы, или соседка соседки, или хоть кто-нибудь, кто дышит одним ветром с изготовителями столь чудесной похлебки, – весело продолжил Рин.

– В твоих словах начала появляться мудрость! – воскликнул великан.

– А что ты можешь сказать о трактирщике? – позволила себе улыбнуться Айра, которая правила лошадью в пяти шагах от спутников.

– Ничего! – почесал затылок Орлик. – Стоит мне явиться в любой трактир, как трактирщики куда-то исчезают! Или съеживаются, как застигнутые в мясной кладовой кошки. Проверить бы, может быть, что-то не так у меня с дыханием? Однако если перестать скалиться, буду вынужден признать: много где довелось побывать, но эта земля не обделена благодатью, не в пример прочим!

– Что скажешь, Айра? – оглянулся Рин. – Мы уже третий день в твоих краях. Что-то изменилось за время твоего отсутствия?

– Вроде бы ничего, а вроде и многое, – пожала плечами та. Она уже третий день была одета, как и ее друзья, в радучские одежды. Не только новые плащи и шапки на всех троих были вытканы из тонкой шерсти, но и мешки с такой же шерстью подрагивали на спинах каждой из лошадей. – Те же дома, та же дорога. Скоча отстроена, Ласская крепость восстановлена. Говорят, что и Скир краше прежнего стал. Много иноземцев, чего прежде не бывало. Особенно хеннов. Почитай, каждый второй из встреченных – степняк. Словно не Скир победил в давней войне, а Великая Степь... Изменились лица у людей. Тревоги в них не стало меньше, чем было семнадцать лет назад. А вот злобы будто прибавилось. Да и в воздухе... Мутное что-то в воздухе. Как тогда, в Айсе, помните? Мгла какая-то, смертная... Но тени разглядеть не могу, только клочья непонятные. Смертью пахнет... Но внешне все кажется спокойным. Может, и обойдется?..

– Может, обойдется, а может, и нет, – заметил Орлик. – Злоба, похоже, есть, а злости я пока не замечал. В столице, бывало, зайдешь в кабак на окраине, звякнешь серебром, так и жди: кто слаще всех улыбается, тот первый и за нож схватится. А тут – ненавистью обливают, а острое в спину не тычут. Хотя... В сухом мху огня тоже нет, но стоит упасть искре... Вот помню, в последний раз...

– Добрый вельт, я прекрасно помню все твои «последние разы», – ласково перебил приятеля Рин. – В такую жару с искрами надо быть осторожнее. Но, судя по пышному лесу, дожди здесь тоже случаются. Как думаешь, что грозит этому миру, если у нас тут не сладится?

– Я стараюсь не думать об этом, – негромко ответила Айра и поторопила лошадь.

– А мне здесь нравится! – крикнул Орлик. – Поверите, даже задумался, чтобы передохнуть пару лет! Конечно, если после нашей охоты край не превратится в выжженную пустыню!

– Не хочу тебя огорчать, – вздохнул Рин, – но нынешняя охота вполне может выжечь и нас троих.

– С таким настроем лучше вовсе не охотиться! – молодежато выпрямился вельт. – Или ты забыл, что мы самая удачливая троица? Так что будет охота, будет добыча, и отдых никуда не денется. И все надо обдумывать заранее! Старшая, ты говорила, что у тебя где-то здесь был домик? На берегу реки?..

– Да, был, – кивнула Айра. – Наверное, и теперь стоит. Далековато, но добраться можно. Кстати, я рассказывала. Именно те деревья, что растут рядом с моим далеким домом, пожалуй, и помешали нам добраться сюда раньше. Как раз они не позволяют искателям приключений на собственную голову, вроде нас с вами, проникать в Оветту без стука. С другой стороны, крепкие двери спасают от нежеланных гостей, но нисколько не мешают злодеям-домочадцам!

– Ну во-первых, я не считаю себя нежеланным гостем, – заметил Орлик. – Как можно не желать такого красавца, как я? Не улыбайся, Рин, не улыбайся, я селянок имею в виду! Что касается злодеев-домочадцев... Твои края, Айра, выглядят счастливыми. Есть ли тут вообще злодеи?

– Мои края казались счастливыми и раньше, – покачиваясь в седле, прикрыла глаза Айра. – Правда, многие из тех, кто светились от счастья, так и не узнали его вкуса.

– И все-таки здесь и вправду хочется вдохнуть полной грудью! – натужно рассмеялся Рин. – Может быть, и мне отыскать домик на берегу моря? Уподоблюсь вельтам, которые, исключая тебя, Орлик, ни дня не могут прожить без морского ветра! Что еще нужно для счастья? Большая и добрая семья! Найду тут себе девчонку, чтобы влюбилась в меня без памяти, да отчеканю с ней с полдюжины ребятишек!

– А как выбирать будешь? – хмыкнул Орлик.

– Кого выбирать? – не понял Рин.

– Девчонок же пропасть! – всплеснул руками вельт. – Пора бы уже привыкнуть, что на тебя вешается каждая вторая, и то при условии, что каждая первая не подозревает о твоём существовании. Как будешь выбирать ту, что тебе нужна?

– На глаз, – сделал строгое лицо Рин. – Не всем достает наглости ощупывать каждую приглянувшуюся селянку!

– Не каждую! – не согласился Орлик. – Смотри им в глаза, парень, и ты там увидишь «да» или «нет» еще до того, как успеешь задать вопрос...

Айра открыла глаза. Прокаленная светилom и не успевшая остыть за ночь дорога выскользнула из леса и потянулась через поля. Вдоль обочины торчали межевые столбы, топорщились тяжелые золотые колосья посевов, в отдалении прыгали мальчишки и, размахивая шестами с привязанными к ним тряпками, отгоняли птиц. Аилле еще прятался за Молочными пиками, но день уже наступил, и подсвеченные лучами вершины сами казались источниками света, наполняющего небо. Впереди обозначились шпили Скира, показалась макушка маяка, оголовки танских башен, в разрывах зеленых крон мелькнуло море. По левую руку выросла деревенька, у караван-сарая раскинулось огромное торжище, и на дороге как-то сразу прибыло и повозок, и путников, даже появились молодежато скирские стражники. Откуда-то выскочил суетливый толстячок с хеннским прищуром глаз и принялся ощупывать тюки на лошадях троицы, на ходу забрасывая друзей вопросами: что за ткань, откуда, в какую цену, сдают кусками или на отрез?.. Но Айра отпустила такое изощренное скирское ругательство, что торговец только оторопело вытаращил глаза и отстал.

– На заказ везем! На заказ! – на ломаном сайдском прогудел великан вельт, и любопытных смело с дороги, как зимним ветром.

– Ну что скажешь? – догнал Айру Рин.

– Ничего, – она посмотрела на него с болью. – Ты десять лет назад отправлялся взглянуть на родной город. Еще думал, что Камрета след подхватишь, когда мы его потеряли окончательно. Помнишь? Рассказывал, что равнина к востоку от развалин зазеленела, деревеньки появились на берегу озера, само озеро наконец наполнилось водой, но город твой мертвее мертвого, хотя на жирном грунте лес поднялся! Что ты чувствовал, когда увидел все это?

– Разное, – пробормотал Рин. – Вспомнил многих... Погоревал. А потом подумал, что не мое уже это все. Но больно стало. Больно, что нет родного угла, негде забить в землю кол, чтобы привязать коня. Надолго привязать.

– Ничего, – Айра оглянулась на приотставшего Орлика, шутливо ударила Рина кулаком в плечо. – И кол забьешь еще, и коня привяжешь. Хотя коню воля нужна. А вот оставлять вместо Скира развалины мне ой как не хотелось бы!

– Ну ты же не Камрет! – заметил Рин. – Да и мы с Орликом никак с ним не сходимся.

– Мы-то нет... – протянула Айра.

– Думаешь, что он точно здесь? – спросил Рин.

– Уверена! – Айра поджала губы. – И еще больше уверена, что ждет он нас. Сколько мы пытались пробиться в Оветту? А вышло только теперь! Вот увидишь, он специально след вытянул, специально огонек разложил, чтобы мы мимо не проскользнули. Вот только чем он приманил нас?.. На такой зов и Камрету силенок не хватило бы.

– Зачем ему мы? – не понял Рин.

– Не знаю пока, – пожала плечами Айра. – Хотя выбор невелик. Либо он понял, что готов разобраться с нами, либо охотится, и мы должны ему помочь.

– Камрет всегда охотится, – подтвердил Орлик, догнав друзей. – А помочь мы ему можем только в качестве приманки. Или кто-то еще сомневается? Если меня хорошенько пропечь, да с острым соусом – никакой демон не устоит! Кстати, город и в самом деле красив! Рано ему еще в развалины обращаться, рано. А какие тут девушки! Я сейчас видел одну... Нет, Айра, до тебя ей так же далеко, как мне до Рина Олфейна, но в общем и целом... Слушай! Ты говорила, что отец твой трактир держал, но разбираться с новым хозяином не хочешь. Давай я разберусь? Айра, а трактиры в Скире так же хороши, как по дороге к нему?

– Увидишь, – нахмурилась воительница и с волнением поторопила лошадь: – Поспешим!

Изменилось многое. Айра сразу же выделила взглядом и свежую кладку на подросших стенах, и подновленные башни, и расчищенный ров, но прежде всего поразились многочисленным слободам, что начались за три лиги до городских ворот. Значит, что-то перевернулось в Скире, если плененные воины и захваченные рабы смогли не только заработать собственную свободу, но и остались жить под стенами столицы бывшего врага. И то сказать, как бы еще поднялся Скир после разорительной войны, как не поливая израненную землю обильным потом? Но не оттого ли казались пропитанными тревогой лица сайдов? И отчего злоба светилась в учтивых глазах ставших свободными хеннов? И легко ли далось кажущееся благоденствие Скира нынешнему конгу?

Айра долго морщила лоб, но так и не смогла вспомнить не слишком славного в ее время тана. Чурался Снат Геба торжественных приемов, да и возле тогдашнего дворца конга – дома Ойду – не появлялся, где прошлый советник конга Арух устроил магическую школу и где Айра начинала подниматься с самого дна Скира. С другой стороны, зачем ей это знакомство? Все равно с Ирунгова наказа придется начинать, а там видно будет. Другое теперь обжигало:

с самого начала, с того момента, когда после тысячи неудачных попыток ей удалось отыскать то ли слабую нить следа Камрета, то ли отзвук его зова и с помощью Рина наконец пробиться в скрытую мглою небытия Оветту, почувствовала она сына. Не так, как тогда, когда он был частью ее самой, но почувствовала, и с тех пор едва сдерживала слезы.

На воротах досмотр оказался быстрым, но тщательным. Старшина дозора ощупал мешки, сделал запись в привратной книге, отнял загодя приготовленную монету и уже собрался опечатать оружие, но Айра с добрейшей улыбкой еще раз сунула ему под нос выданный Дампом ярлык, и стражник махнул рукой.

День уже разгорался, но Аилле не успел раскалить камень, и народу на улицах города было предостаточно, поэтому всадники спешили и повели лошадей под уздцы. Рин восхищенно вертел головой и едва не наткнулся на многочисленных лоточников. Дома в Скире были не только выложены из светлого камня, но и побелены, отчего город казался чистым и спокойным.

– Верно, у Суррары переняли белый цвет, – пробормотала Айра. – В мое время дома все больше серыми стояли. Никому и в голову не приходило камень белить. Государство риссов разгромлено – поделилось, как сказал Дамп, да распалось на крохотные княжества, а порядки беления стен в Скире прижились. Хотя лица горожан добрее от белизны не кажутся... Ты что, парень, глаза таращишь?

– Улицы! – прищурился на Аилле Рин. – И вроде бы уж нагляделся за последние годы на просторы, которые нутро не теснят, а не устаю удивляться широким улицам. Дышится легче, чем на узких улочках какого-нибудь затрапезного городка!

– Все не легче, чем в море! – отозвался Орлик. – А народ-то в городе морской! И по походке чувствуется, и по ухваткам, да и, смотрю, половина фриз и барельефов на зданиях с морским зверем и рыбой. А это что за дворец? – разинул он рот у огромного здания.

Большая часть его была завершена, но некоторые стены еще покрывали леса. Привычные Айре башенки танских домов перемежались колоннадой и широкими ступенями. Отполированная поверхность мрамора сверкала под лучами Аилле, но казалась холодной даже издали.

– Не было! – удивилась Айра, окидывая взглядом величественное сооружение, путаясь глазами в башнях и переходах. – Не было такого здания в Скире! Похоже, кто-то очень разбогател, если сумел воздвигнуть такую громадину!

– Не в богатстве дело, – постучал себя по шлему молодой стражник, услышав последние слова Айры. – Не в богатстве, а в славе Скира! Это дворец конга, да не Сната Геба, который теперь конг Скира, а всякого, кого изберут конгом и в будущем!

Айра изобразила улыбку, со всей возможной учтивостью поклонилась пышущему гордостью юнцу и спросила:

– Почтенный стражник, а не подскажешь ли вернувшимся после долгих лет скитальцам, где теперь ведутся дела по владению домами и участками в Скире?

– О покупных делах или наследных интерес имеешь? – сдвинул брови стражник.

– О наследных, – пояснила Айра.

– Так там же, где и всегда! – ухмыльнулся юнец. – В западной башне совета домов Скира. Раньше он дворцом танов прозывался. Так там и прочие службы располагаются! И мытари, и надсмотрщики, и привратные писцы...

– Значит, трактир собираешься вернуть, о котором второго дня обмолвилась? – оживленно заинтересовался Орлик, когда троица отделилась от словоохотливого молодца. – Или сына хочешь поискать?

– Нет, – мотнула головой Айра. – Трактир мне не нужен, а где искать сына, мне Дамп и так рассказал. Но встречу с сыном отодвинуть пока придется. Если Камрет чего-то от меня

или от нас всех добивается, легкой прогулки по Скиру не выйдет, а я меньше всего хочу навлечь беду на сына и людей, что были ему родителями.

– Все-таки Камрет... – задумался Рин.

– Он здесь, – пробормотала Айра. – Хотя бы потому, что здесь демон. Жаль, что я пока не могу точно указать на бывшего правителя Суйки, но присутствие его несомненно. С другой стороны, выходит, и Камрет его пока не нашел? Вот и потягаемся. Или нам еще не случилось поохотиться вместе? Надеюсь, никто не сомневается, что я чувствую всякую нечисть не хуже Камрета?

– Камрет – неф, – усомнился Орлик. – Во всяком случае, мне он показался нефом. Он не совсем человек. Да, твои способности выше, чем у обычного нефа! Да, в Заповедных землях достаточно людей, которые властвуют и над нефами. Наконец, и Камрет не самый сильный маг и не непобедимый воин, но мы потеряли его след уже много лет назад! Многое могло измениться.

– Вот и посмотрим, – прищурилась Айра и обернулась к притихшему Рину. – Не обижайся, парень. Ты – лучший неф между мирами из тех, что мне довелось встретить! Если ты в чем-то перешеголяешь меня, я буду только рада.

– Ну, – прогудел Орлик, – на мечях Рин тебя переможет уже теперь! Зато по силе я его сомну, пусть он хоть тысячу раз будет нефом.

– Это точно! – не сдержал улыбку Рин.

– А насчет мечей мы еще посмотрим! – рассмеялась Айра и, подмигнув друзьям, повела троицу вниз по улице.

Дела удалось сладить быстро, хотя стражник у входа, которому друзья оставили лошадей и медную монету, уверял, что им еще придется посетить просительную раз десять, а то и больше. Успеху помог не столько выданный Дампом ярлык, уверенный скирский говор и обменный родовой перстень дома Стейча с изображением кольца из трех змей, сколько странный испуг чиновника. Тщедушный старикашка выпучил глаза сразу, едва увидел вошедшую в просительную троицу, тут же натянул колпак на уши, надул щеки и начал суесться, стараясь угадать желания гостыи до того, как она выскажет их сама. Не прошло и недолгого времени, достаточного, чтобы опустошить в хорошей компании маленький кувшинчик вина, как на руках у Айры был ярлык на отписанную ей Ирунгом башню, сразу три тяжелых бронзовых ключа и амулет отворота от запирающего ворота владения заклинания. Сбор за дар оказался уплачен еще Ирунгом, поэтому просительница отсчитала только писцовую пошлину и тут же стала владелицей отдельно стоящего здания, как и было указано в новеньком ярлыке.

Стражник, получивший еще одну монету за недолгое старание, изумленно открыл рот и не нашелся что сказать. Друзья взяли коней под уздцы и направились по широкой улице в сторону возвышающихся над городом отрогов Молочных пиков. Аилле уже выкатил на небо и теперь уверенно слепил глаза.

– Храм Мелаген, – показала Айра на величественное, окруженное садом и напоминающее скорее крепость, а не храм здание. – Отсюда я отправилась семнадцать лет назад в первое далекое путешествие, которое затянулось. Здесь же, как рассказал Дамп, расположена нынешняя школа колдовства.

– Странно, – задумался Орлик. – Я всегда думал, что храмы ставят богам, а здесь, в Скире, сплошь и рядом стоят храмы обычным людям. Я ведь помню твои рассказы! Кто эта Мелаген? Всего лишь внучка колдуньи! Так тут в Скире есть и храмы ее бабки Сето, и храмы ее деда Сурры, пусть он и не подозревал о своем дедовстве. И храм ее матери Исс, и даже храм ее невольного мужа Сади! Я правильно понял, что после того, как вечность назад твой долгоживущий отец ранил или почти убил Сади, именно Мелаген воспользовалась семенем

окаменевшего бедолаги? Кстати? А ведь несладко ему пришлось... Слышал я о заклинании, что обращает человека в камень, но накинуть его на себя на сотни лет, да еще будучи при смерти?.. Лежать недвижимо, бродить тропами полусонья и медленно, двигаясь на волосок за год, пытаться себя излечить?.. Говорят, что даром это не проходит. Хотел бы я поглядеть на этого Сади! Одно мне непонятно, почему нет храма потомкам Мелаген?

– Мелаген сохранила имена потомков в тайне, – пожала плечами Айра. – Впрочем, теперь мы уже знаем: последний потомок Мелаген – дочь Кессаа, Рич. Кстати, когда-то я думала, что если в ней слилась воедино кровь всех трех пришедших в Оветту богов – и Сурры, и Сето, и Сади, – то какова же должна быть ее сила! А теперь все кажется проще. Трое небестальных магов, скорее всего даже не нефов, волею случая оказались в чужой им стране и перекроили ее историю так, как им хотелось или как получилось. А получилось так, что их потомкам и потомкам их современников приходится расхлебывать их старания которую сотню лет.

– Так всегда бывает, – заметил Рин. – Всякое поколение расхлебывает старания предыдущего. Хотя оно же и пользуется плодами их трудов. А что касается богов... Орлик, разве единожды тебя принимали за бога в деревнях, в которые мы забредали во времена прошлых походов?

– Было! – запустил пятерню в рыжую бороду воин. – Хотя мысли о собственных храмах мне в голову не приходили. Однако бывало и наоборот! И гораздо чаще! Сколько раз мне приходилось спасаться бегством? Сколько раз меня принимали за демона, и это при моей-то доброте и покладистости? Где справедливость? Если уж кто может претендовать на родство с демоном, так только ты, Рин! Кстати, Айра, что же все-таки стало с тем каменным парнем, который проспал столько лет на постаменте храма Мелаген? Я что-то упустил из рассказа Дампа?

– Ничего ты не упустил, – ответила Айра. – Сади просто исчез.

– Ага, – кивнул Орлик и, разглядев впереди небольшой рынок, забросил на плечо пустой мешок, пробормотав: – Да будут боги милостивы к каменному бедолаге, куда бы он ни направился, а мне пора подумать о еде! Посмотрим, как здешние торговцы отнесутся к серебру из столицы Заповедных земель.

– Чего ты испугалась? – спросил Рин у Айры, подхватив лошадь Орлика.

– Ничего, – пожала она плечами, но Рин был настойчив.

– Ты не спускала руку с жезла, – заметил он. – Давно я не видел таких соперников, что заставили бы тебя ухватиться за жезл.

– Старый знакомый, – после паузы ответила Айра. – Один из тех странных людей, чья судьба вычерчена прерывистой линией и должна была бы уже оборваться сотню раз, но все тянется и тянется, словно назначенная ему ноша еще не донесена до нужного места. Этот чиновник очень старался, чтобы я его не узнала, но я слишком хорошо его запомнила. Когда-то он был помощником главы школы, в которой меня начинали учить магии. Его настоящее имя Синг. Он неплохой маг. Или даже уже хороший.

– Так, может быть, следует вернуться и укоротить ему язык? – нахмурился Рин. – Вряд ли он окажется неподвластен хорошему заклятью!

– Не стоит, – задумчиво возразила Айра. – Он был явно напуган – значит, не заинтересован в огласке. Не думаю, что Синг опасен. Я даже оставила ему зерно вести. Это ли не знак, что ему ничего не грозит?

– Ты думаешь, он сможет им воспользоваться? – остановился Рин.

– Увидим, – пожала плечами Айра. – Главное, чтобы этим зерном могла воспользоваться я. Хотя Синг всегда служил кому-то, но, когда возникала опасность его жизни, всякий раз умудрялся вовремя исчезнуть. Не удивлюсь, если и теперь он уже собирает вещички.

Синг отвык бояться. Он вернулся в Скир постаревшим, под чужим именем, едва слышал о смерти Ирунга Стейча, и купил место младшего писца. За пять лет добросовестного труда и некоторых ухищрений, связанных где с угодливостью, где с едва различимой магией, бывший слуга мага Аруха, а затем поочередно маг самого правителя хеннов Лека и клейменный служка правителя Суррары Заха, добрался до места старшего писца, а вскоре и стал старшим в имущественной просительной конга. Никто не мог узнать в оплешивевшем старичке, который неожиданно для многих навел идеальный порядок в учете недвижимого имущества горожан, некогда угодливого и хитрого слугу самого советника конга. А если кто и мог, то, к удаче Синга, расстался с жизнью еще на войне с хеннами. Город отстраивался, старые дома находили новых хозяев, распределялись участки в заложенных за стеной слободах, деньги текли в казну рекой, а уж сделать так, чтобы отвести от полновесного потока золота и серебра тонкий ручеек в собственную кошницу, Синг умел как никто другой. В какой-то момент он вовсе перестал бояться встречи с кем-то из знакомцев, способных открыть его подлинное имя или, того хуже, поведать о былой службе врагам Скира. И вот именно тогда в дверях его заведения появилась Айра.

Она почти не изменилась. Разве только в глазах вместо бывшего задора и озорства появился стальной блеск, и Сингу справиться с накатившим на него ужасом помогло лишь осознание того, что он-то ничего плохого бывшей ученице не сделал. Как бы не наоборот! Именно Синг отыскал в скирском порту удивительную девчонку, которая промышляла мелким воровством, но при случае могла щелчком пальцев заставить запылать порты на излишне приставучем стражнике. Именно Синг обратил на нее внимание самого Аруха, пристроил в школу и даже испросил для шустрой девчонки дополнительного обучения. Да что там говорить! Разве не Синг скрыл от всех, что узнал в истерзанной жене Лека собственную ученицу? Или он не узнал ее тогда?.. Слава Единый, так ведь она же может донести, что он служил хеннам!

Метнуть в девчонку, превратившуюся в женщину, загодя заготовленное заклинание Сингу помешало лишь то, что он прекрасно помнил: даже в пору ранней юности Айра была сильнее его. Да и что-то уж очень подозрительно быстро сомкнулись ее пальцы на коротком каменном стержне, подвешенном к поясу. С трудом подавив дрожь в коленях, Синг перевел дыхание и тут же принялся хлопотать по существу поданного прошения, проявляя невиданную до сего дня расторопность и тщание.

С хлопотами он справился быстро и только после ухода Айры заметил оставленное ею зерно. Оно лежало на столе, напоминая темный камешек с неровными гранями. Синг осторожно приблизился, наклонился, осмотрел подарок со всех сторон, принялся, покачал зернышко по столу писалом, затем дотронулся до него пальцем, поймал и сунул за манжет. Опасности в зернышке явно не было, а что в нем таилось, Синг решил рассмотреть позже. Дела появились и важнее.

В очередной раз он решил довериться собственному чутью, которое до сего дня его не подводило. Задумавшись на мгновение, чиновник высунулся на улицу, крикнул стражнику, чтобы тот никого больше сегодня к нему не пускал, запер дверь изнутри на засов, размотал один из заполненных свитков, отыскал заранее оставленную пустую строчку и аккуратно внес запись о приобретении городом у никому неизвестного сайда роскошного дома на окраине Скира. На самом деле никакого дома по указанному адресу не существовало, но именно теперь Синга это беспокоило меньше всего. Цену чиновник поставил значительную, но, к собственному сожалению, всего лишь соответствующую сумме, что скопилась в запертном на тяжелый казначейский замок ларце. После этого Синг пересчитал общий расход по свитку и проставил нужную сумму на его срезе. Еще немного времени потребовалось на то, чтобы перемешать свитки в огромной корзине и поправить цифры в сводной ведомости. «Месяц будут искать – не найдут!» – удовлетворенно подумал Синг, прикинул было, куда он теперь

отправится, но затем оставил долгие планы. Главное – добраться до Дешты, а там видно будет, куда двинуться – или в Радучу, или в Репту, посмотрит еще. Неделя у него была, не меньше.

Синг так и не стал всемогущим магом, но постоянные попытки приблизиться к совершенству развили в нем не только чутье к назревающим извещениям собственной судьбы, но и способность предугадывать общие беды и несчастья. Он ни одного дня не верил в то, что после окончания войны с хеннами наступило бесконечное благоденствие. Точно так же он не верил и в то, что таившееся в Суйке необъяснимое нечто сгинуло и развеялось в тот самый день, когда черный смерч поднялся над храмом Мелаген. Синг рассчитывал, что ему всего лишь удастся спокойно прожить остаток лет, и расстался с этой надеждой, едва увидел Айру. «Бежать!» – решил колдун и немедленно приступил к сборам.

С помощью нехитрого, но неизвестного казначейским магам колдовства он вскрыл ларь и извлек оттуда почти все собранные деньги, после чего вновь замкнул хранилище, не оставляя явных следов магии. Затем Синг забрался на стол и снял с перекрестья потолочных балок сверток, в котором лежало изрядное количество золотых монет, более чем достаточное для безбедной жизни в любом уголке Оветты. После этого старый колдун набил монетами сразу два пояса, обернул их вокруг тела, вытащил из-под лавки корзину с нехитрыми пожитками, накинул на плечи дорожный плащ, натянул на ноги поношенные сапоги, а на голову – рептский колпак и выбрался из просительной через узкое окно, выходившее в переулок.

Еще до полудня Синг добрался до главных ворот, но подойти к стражнику не успел. Лишь на мгновение ему показалось, что кто-то смотрит на него с ненавистью, но этого было достаточно, чтобы старик остановился. В этот раз он что-то сделал не так. Синг повертел головой, пригляделся к дозорным, осматривающим очередную телегу, груженную клетками с птицей, к лоточникам и владельцам доходных домов, зазывающим покупателей и постояльцев, пока не уперся взглядом в цветастую корептскую повозку. Возле нее суетился низкорослый седой бородач и, судя по всему, сторговывал обтянутую тканью телегу дородному сайду. Старик даже подпрыгивал от усердия, но в ответ на все его доводы сайд лениво зевал и невнятно икал.

Синг уже было подумал, что обознался, но тут полог повозки дрогнул, за ним мелькнуло смутно знакомое лицо, высунулась то ли трость, то ли палка, и в следующее мгновение горло бедняги пронзила боль. Синг еще успел ухватиться за оперение тонкой стрелки и выдернуть ее, но зелье уже побежало по его телу. А когда судорога скрутила ноги и руки и Синг понял, что в этот раз чутье его не уберегло, в рукаве у него лопнуло и рассыпалось чешуйками зерно вести.

И Орлик, и Рин наследством Ирунга остались довольны. Рина устроило то, что башня была удивительно добротна и прочна, ее стены в основании достигали шести локтей толщины! К тому же удивительное укрепление стояло через улицу от богатого поместья Стейча, в котором проживали потомки умершего мага, а не примыкало к нему. Башня имела прочную бронзовую дверь, укрепленный бронзой дверной проем, напоминающий короткий тоннель, и узкие окна-бойницы, начиная с десятка локтей ее высоты. Орлика обрадовал небольшой дворик с колодцем и поилкой для лошадей, а пуще прочего – уличная жаровня, сложенная из глиняных кирпичей.

Айра сняла охранное заклинание с двери, а затем с помощью Орлика открыла все три замка.

– Неплохо-неплохо, – заметил Рин. – Пожалуй, эта дверка даже Камрета остановила бы. Во всяком случае, ключ этих замков не касался!

– Надеюсь на это, – буркнула Айра и первой шагнула в полумрак.

– Смотри-ка! – удивился вельт, разглядывая широкие ступени. – Вот где строят с учетом роста настоящего мужчины. А то все лестницы, что мне попадались до сего дня, словно были придуманы для каких-то недомерков!

– Не советовала бы я тебе, Орлик, оказаться на пути такого недомерка, как Камрет! – усмехнулась Айра.

– А то я с ним не знаком! – махнул рукой бородач.

– Под ноги смотри! – посоветовал Рин. – Не нравится мне внутри.

– Наверху что-то есть! – отозвалась Айра. – Хотя на лестнице чисто.

– Чисто? – чихнул Орлик. – Да тут слой многолетней пыли! Как представляю, сколько ведер воды придется вылить... Айра, я не посмотрел, есть ли вода в колодце?

– Тихо! – прошипела та.

Пылью был покрыт и верхний зал. Паутина свисала с потолка, ткани, затягивающие стены, исторгали облачка пыли при малейшем движении. Только в центре помещения слой пыли был нарушен. Вокруг резного столика вило множество следов, а сам он был завален обгорелыми обрывками пергамента. Айра вытянула руки в стороны, растопырила пальцы и медленно двинулась к столу. Орлик вытащил из-за пазухи желтый камень и начал раскручивать его над головой на длинном шнурке. Рин закрыл глаза и присел. Он первым и подал голос:

– Почти чисто.

– Не согласен! – возмутился вельт. – Не был согласен на лестнице, не согласен и здесь. Здесь грязнее, чем в самом грязном трактире, в который меня забрасывала судьба...

– Чисто, – согласилась Айра. – Камрет все-таки добрался до манускриптов Ирунга и сжег их.

– Камрет? – шагнул к столу Орлик.

На выжженных до черноты клочьях пергамента лежал короткий жезл с ременной петлей. На деревяшке были вырезаны слова: «Веселой охоты».

– Его почерк, – прищурился Рин. – Узнаешь свой старый жезл?

– Нет моего жезла, – стиснула зубы Айра. – Им он нас и приманил. Им, пожалуй, и дорожку в Оветту торил. Силы в нем было немерено, и Камрет выжег его дотла. Перед нами одна видимость. Ничего нет. Смотри.

Она щелкнула пальцами, и тут же жезл рассыпался в прах, а вслед за тем оказалось, что прахом стали и куски пергамента, и пыль покрыла теперь уже все, включая и столик.

– Хорошую картинку слепил коротышка, – хмыкнул Рин. – А на ловушку поспешил или и в самом деле имеет на нас какой-то расчет? Но я все равно его достану!

– Вот где Камрет, выходит, прятался все эти годы, – задумалась Айра. – Я не о башне говорю, обо всем Скире. Пергаменты сожжены около десяти лет назад, пожалуй, сразу после смерти Ирунга. Хранились они вон в том сундуке, и, судя по всему, охранных заклинаний на них было наверчено более чем достаточно. Но Камрет преодолел их легко и сделал это уже давно. А жезл оставил, чтобы, не возвращаясь в башню, вызвать нас! Все просчитал! Чего он ждал столько лет?.. Слушайте! А если его уже нет в Оветте? Если он отказался от охоты? Предоставил дело нам? Вызвал нас не отсюда, а из ближайших окраинных земель, где сидит теперь и ждет, когда мы добудем для него демона! Не удивлюсь, если он и убил Ирунга!

– Да, – согласился Рин. – Когда имеешь дело с Камретом, лучше не удивляться. Но он здесь. Неужели ты думаешь, что он столько лет готовил представление, чтобы любовался им кто-то другой?

– Впрочем, я все же удивлена. – Айра прикрыла глаза. – Я всегда думала, что мудрее Ирунга нет никого. Не хотелось бы мне в нем разочаровываться даже через столько лет после его смерти.

– И что ты предлагаешь? – Орлик выудил из груды хлама ведро. – Нет, я был бы безмерно рад, если бы Камрет убрался куда подальше, даже если это испортит настроение Рину, у которого свои счеты к коротышке. Но что делать с пылью? Я вот предлагаю просто залить здесь все водой.

– Я предлагаю искать, – твердо сказала Айра. – Искать завещание или послание Ирунга! После визита Камрета оно может остаться только там, где нет никакой магии, никаких заклинаний.

– Все ясно! – вздохнул вельт. – Уборки способом поливания и выплескивания не выйдет. Опять будем все просеивать между пальцев... Прямо как подручные Дампа в этой самой Суйке!

– Айра! – бросился к старшей Рин.

– Все... – она тряхнула головой, оперлась о руку приятеля. – Уже прошло. Лопнуло мое зернышко. Быстро-то как! Нет уже нашего чиновника. Или мертв Синг, или при смерти. И кто ж его так... Кого же он увидел? Единый, благодать твоя, это же Зерта! А там, где Зерта, там и братец ее. Ну вот, Рин, охота и в самом деле получается веселой. Муженек мой в городе! Лек! А с ним и его свита. А значит, таиться от собственного сына и я не буду.

Глава четвертая

Храм

– Здесь все и произошло, – глухо выговорил Марик.

Рич потрясенно молчала. За стенами Храма отгорал день, все еще стояла жара, но спасительная прохлада камня вдруг показалась ей непереносимой стужей. Все, что случилось за прошедшие сутки, все, что еще в полдень давило на нее неподъемной тяжестью, теперь казалось уже не столь важным. Но даже и то, что она, как и Тир, узнала об истории собственного рождения, не поразило ее больше, чем то, что оставило после себя след в виде выжженного пятна и треснувшего камня. Главным был черный след, что появился семнадцать лет назад на плитах большого зала храма Мелаген, а все остальное годилось лишь для зимних разговоров у потрескивающего углями камина, даже если касалось близких и дорогих людей.

Рич нащупала на шее ожерелье матери, которое, как выяснилось, та собрала из камней, вырванных из собственного тела. Коснулась рукояти, как ей казалось, простецкого, пусть и пропитанного магией меча, который был принесен в Оветту из неведомого мира еще Сето. Поймала пальцами серебряный жезл, выплавленный Ирунгом из металла, что остался на камнях после исчезновения матери Тира. Почему Марик отдал его только теперь, задала Рич себе вопрос и сама же ответила на него: потому что не смогла бы жить с новым знанием так, как жила до сих пор. «А как ты будешь жить теперь?» – снова спросила себя Рич и не нашла, что ответить.

Марик и Насьта сидели на опустевшем после исчезновения Сади постаменте. Тир, согнувшись над черным пятном, ощупывал выбоину в камне.

Рич подняла глаза. Вон на тех балках ее мать девчонкой скрывалась от зорких глаз наставниц, что учили уму-разуму танских дочек в храме Мелаген. На этих же плитах она училась танцевать и здесь же исполнила последний танец. Здесь все началось, и здесь все закончилось.

Так все и было. Ничего не утаил Марик, все рассказал, что вызнал за долгие годы, что со слов самой Кессаа, что со слов Оры, что со слов Ирунга, который до последнего своего дня не оставлял вниманием дочь некогда ненавистной ему девчонки. Пытаясь избежать похоти тогдашнего конга – Димуинна Ойду, не зная ни имени собственной матери, ни имени отца, она доверилась седому воину балъ, бывшему лишь немногим старше нынешнего Марика, и ударилась в бега, рассчитывая соединить судьбу с возлюбленным Леббом Рейду. Но судьба столкнула ее с сыновьями Ирунга, которые в короткой схватке нашли свою смерть. И полоса смертей продлилась до самого храма Сето, расположенного недалеко от Дешты, где Лебб Рейду предательски убил защитника Кессаа, но так и не стал ее мужем по обычаям сайдов. У того же храма нашли смерть и конг Димуинн, и тан Олли, и многие другие. А потом случилась битва у бальского храма Исс, где погиб отец Марика, где кровь потомков Мелаген сняла древнее заклятье, освободила и Суйку, и Суррару и положила начало еще более страшной войне, чем та, что велась до сих пор. Там Кессаа убила собственную мать. Убила, защищаясь, но заплатила за убийство страшными муками...

Рич прерывисто вздохнула. Несколько жизней сплелись в такой неразделимый клубок, что выдернуть отдельную, не тревожа остальных, было невозможно. Мэйла обучала Кессаа владению мечом, потом преследовала ее, потом охраняла в ту страшную ночь с горсткой сайдов храм Мелаген, а еще через годы стала наставницей дочери Кессаа.

Мать Тира сначала преследовала мать Рич, потом спасала ее, а затем здесь, на этом самом месте, сделала вместе с ней одно дело. Как перенесет парень историю собственной матери? Как будет жить с осознанием, что его отец едва не обратил в пепелище всю его

нынешнюю родину? Как свыкнется с мыслью, что его мать была обречена его же отцом на смерть? А сама Рич?..

Как она будет смотреть на Лебба Рейду, когда тот в очередной раз появится во дворе заведения Марика и, высокомерно косясь на упражняющихся сыновей, даже не спросит о том, как поживает его дочь? А ведь как бы Рич ни фыркала на любое упоминание о собственном отце, именно его она жаждала видеть. Именно его похвала ей была нужна! Не ради ли отца она истязала себя воинскими упражнениями, чтобы доказать красавцу тану, что достойна называться его дочерью открыто, а не вполголоса с многозначительными усмешками! Может быть, ей следует поговорить с ним? Например, спросить о том, почему он взял ее мать силой, почему он так изменился, ведь не могла ее мать влюбиться в напыщенного и жестокого истукана? А сможет ли она спросить? А ну как выхватит меч или кинжал и убьет собственного отца так же, как он убил воина Зиди – защитника юной Кессаа? Или так, как убила Кессаа собственную мать?..

Рич вздрогнула и открыла глаза. Насыта вытащил тонкую дудочку и начал выдувать из нее легкую мелодию – наверное, ту же самую, которой он на этом самом месте удерживал на грани сущего мира окаменевшего Сади. Точно так же он заиграл на дудочке, когда голова Мэйлы упала на стол. Может быть, именно его мелодия не дала Ильке забиться в истерику, вывела из столбняка Маэля и Лиди. А через мгновение Марик содрал с балки навеса полотенце и накрыл сидящий труп вместе с головой. Но Рич успела разглядеть. Она успела разглядеть срез. Он не кровоточил. Кровь запеклась на нем. Он был прижжен, Рич даже показало, что она слышит запах обожженной плоти. Запах живой обожженной плоти. И это было тем ужаснее, что обожженной плотью пахло от мертвой Мэйлы. Ее строгая наставница пришла за стол уже мертвой. Рич, конечно, помнила рассказы о мертвецах, что ходили по Суйке, словно живые, но никогда не думала, что это будет выглядеть именно так.

Насыта перестал играть только после того, как Ора увела Маэля и Лиди. Она хотела увести и Ильку, но та заупрямилась. Глаза девчонки потемнели, губы сжались. Она сидела возле Рич и не сводила взгляда с Тира. Не туманного влюбленного взгляда, каким обычно светила младшая подружка Рич, а строгого и уверенного, словно говоря ему: «Я знаю, ты не подведешь меня».

Рич даже позавидовала тогда Ильке, точнее, загрустила, что ей не на кого посмотреть таким же взглядом. Не то чтобы она никогда не примеряла на себя в грезах Тира, но их почти равенство в возрасте и постоянная воинская близость в обучении в доме Марика сделали их не просто братом и сестрой, а почти близнецами. С таким же успехом Рич могла бы примерить на себя самого Марика. Вот уж кто казался ей истинным подобием достойного внимания мужчины, но и он был настолько родным для нее человеком, что никаких других чувств, кроме безусловного обожания и доверия, в ней даже не могло шевельнуться.

А вот Ильке не помешало, что Тир становился мужчиной у нее на глазах. Впрочем, и Тир не помешал возраст возлюбленной – сам глаз с нее не сводил, хотя и держал себя с Илькой еще строже, чем с Рич. Но вольность-то – дело наживное, натешится и губами красавицы девчонки, и ее телом после свадьбы. Всего-то осталось: через день пройти посвящение в воины на большой арене Скира. Тогда Тир получит право поступить на службу и завести собственную семью. Да и Ильке до семнадцатилетия, после которого принято принимать сватов, остался один год. Впрочем, с согласия родителей невесты, о нем можно и вовсе забыть! И появится еще один brave воин в дружине Сната Геба. Тир, правда, рассчитывает остаться младшим наставником в школе Марика, но ведь неизвестно еще, как жизнь может обернуться?

Вот какие мысли вертелись в голове Рич, когда она сидела в двух локтях от обезглавленного тела Мэйлы и все пыталась понять, что за магия заставила мертвую воительницу дойти до стола и сесть на свободное место.

А потом во дворе заведения появился нынешний старшина стражи конга Картус, и началось долгое разбирательство. Была обыскана и опечатана комната Мэйлы, опрошены все, кто находился в доме, вызваны колдуны. Сам Бравус приплелся из храма Мелаген вместе с вечно погруженным в мрачные мысли дряхлым Вертусом. Жрец уже было начал увещевать разбирателей в том, что никакого особенного колдовства в предсмертии и смерти девицы Мэйлы применено не было, разве только раскаленный в очаге меч, но тут подал голос Вертус, и Бравус счел за лучшее замолчать. Никто лучше Вертуса не мог разобрать хитроумное колдовство, при том что сам наставник общей магии колдовать не любил и делал это редко и крайне неохотно. Вертус бестрепетно наклонился к трупу, понюхал срез, только что не лизнул его, затем поднял голову, зачем-то долго вглядывался в глаза несчастной, но подал голос, только чтобы остановить Бравуса:

– Магия огня наличествует. Хитрая и тонкая, но именно она. Рискну предположить, что речь идет о жидком огне, но приготовленном заранее и наведенном на жертву на расстоянии. Женщина была подчинена, затем неизвестный нам умелец умертвил ее дух, оставив тело на грани смерти, и набросил огненную удавку на горло. Она и подействовала... – Вертус на мгновение запнулся, но тут же уверенно продолжил: – Подействовала, едва несчастная попала в перекрестье взглядов. А сейчас мы проверим одно предположение.

Он поднял не успевшую окоченеть руку Мэйлы и заголил рукав. На смуглой коже красовались два штриха – двойная царапина. Не косой крест, нет. Уголок. Рич тут же схватилась за собственное запястье. Вздрыгнул Марик. Выпучил глаза Насьта. Тяжело опустил на скамью старшина дружины.

– Одиннадцатая смерть, – вздохнул Картус, теребя обвислые седые усы. – Десять ветеранов умерли похожим образом. У кого была отсечена рука, у кого нога, но у каждого такая же отметка на руке! У некоторых были сожжены внутренности. Неизвестный маг ни разу не повторился! И всякий раз смерть случалась в людном месте. Не расползлись еще слухи по Скиру? Расползутся! Просто, когда отваливается, к примеру, нога и человек падает замертво, ущерб в глаза не бросается. И кровь не хлещет, и штаны не распадаются. Экий забавник отыскался в Скире!

– Еще будем ждать смертей? – поинтересовался Вертус.

– Вряд ли, – глухо пробормотал Картус.

Старый воин, бывший кормчий одной из самых больших галер, сменивший на посту старшего дружины Марика, стянул с головы колпак и вытер им пот со лба.

– Последняя она была, – пробормотал он. – Я всю неделю голову ломал, а потом, вчера еще, догадался. Все десятеро были во время войны в охране храма Мелаген. Ирунгу подчинялись. И Мэйла ими командовала, кстати. Сегодня хотел поговорить с ней, не успел. И у всех такая же отметка. Но, кроме этих одиннадцати, никто не выжил. Ирунг давно умер. Эх, никто его руки не рассматривал! Не было больше никого в храме в ту ночь...

– Было, – твердо сказал Марик и заголил руку.

– И я, – протянул Насьта.

– Та-ак, – озадаченно протянул Картус. – Это что же? Охрану к вам теперь приставлять?

– Для начала освободить от занятий в школе магии, – удивляясь сама себе, брякнула Рич и тоже выставила перед собой руку. – Я, наверное, тоже в той войне в храме Мелаген отметилась?

– И я? – потянул рукав Тир.

– Четверо еще, что ли? – воскликнул Бравус.

– Правда, живые пока, – помрачнел старик Вертус. – Но отметка-то у вас чуть другая, да... И высечена иначе... О Марике Дари и ремини я и сам слышал, рассказывал мне кое-что старина Дамп за кружечкой теплого вина, а вот об этой парочке... Я уже давно понял: в нашей школе без златовласой сорвиголовы никакая пакость обойтись не может, и все-таки...

– Их матери были в храме, – проговорил Марик. – И обе остались там. Одна навечно, другая... другая исчезла.

– На этом следствие прерывается, – поднялся на ноги Картус. – Повелением конга все, связанное с храмом Мелаген, отнесено к тайным делам. И служба в большом зале храма Мелаген не ведется уже семнадцать лет неспроста. Не болтать попусту! Надеюсь, повторять мне это не придется? Марик, одолжи моим ребятам тележку, на которой возишь дрова, мы увезем тело. Охрану оставить?

– Охрану? – не понял балъ и окинул взглядом двор.

С тревогой, приложив ладонь к губам, смотрела на него Ора, не отрывали от названного отца колочие взгляды Тир и Рич, хлопала мокрыми ресницами Илька, ковырял пальцем клапаны в дудке Насъта.

– И что она может, твоя охрана? – вздохнул Марик. – Вот был бы жив Ирунг!..

– Ну не только Ирунг владел тайнами магии! – выпятил живот Бравус. – По моему разумению, присутствующий здесь Вертус, которого подобрал к наставничеству еще сам Ирунг, нисколько не слабее покойного тана Стейча. Достойны уважения познания и умения наставника Лайриса, да и наставники Качис, Добириус, Туск – мастера в своих областях!

– Особенно Добириус! – хмыкнула Рич.

– Не оскверняй, дочь, уста свои хулой на старшего над тобой! – поднял руку Бравус.

– Не согласна, – надула губы девчонка, вспоминая наставника по боевой магии, который один принес школе больше урона, чем она со всеми шалостями. – Я преисполнена уважения к почтенному наставнику Вертусу, признаю знания наставника Лайриса, готова смириться с Качисом и Туском, хотя толку от них тут будет немного, но Добириус... Да он сожжет заведение Марика!

– Не твоего ума дело, неразумная! – побагровел Бравус. – А дело это – есть дело, в котором заинтересован сам конг!

– Твое почтение! – с печальной усмешкой остановил поток его негодования Вертус. – Я хотел бы объясниться. Как вы уже поняли, одному из наставников поочередно с другими придется нести дозор в этом гостеприимном доме. Несомненно, Картус согласует тонкости с самим конгом, но несомненно также и то, что с тех пор, как мы начали заниматься таинственными смертями, Снат Геба настоятельно потребовал, чтобы наставники школы магии, а при необходимости и старшие школяры не оставляли вниманием данные происшествия. И это при том, что до сего дня все происходящее оставалось в тайне! Так вот по поводу уважаемого наставника Добириуса, чей пыл порой опережает его возможности, а равно и любого другого мага, хоть наставника школы, хоть жреца одного из Храмов, или даже какого-нибудь неизвестного нам до сего дня искусника, я могу сказать только одно. Никто не справится с этим забавником на том поле, на котором он, очевидно, безмерно силен, то есть в магии! Убит или остановлен он может быть только обычным или специально подготовленным оружием, если только и в этом не окажется на голову сильнее противников. Опережая вопросы, скажу сразу: как готовить такое оружие и как его применять, я не знаю. Но сказанное мною мне самому очевидно точно так же, как и то, что и сегодня на камни Скира не прольется ни капли дождя! Поэтому не ждите от скирских колдунов чуда. Все, что они могут, умереть чуть позже обычного человека, что и позволит им рассмотреть забавника или его магию в действии.

– Как давно начались смерти? – подал голос балъ.

– Третьего дня, – отозвался Картус, наблюдая с мрачным видом, как рослые стражники грузят на тележку тело Мэйлы, потом махнул рукой и зло сплюнул под ноги, поворачиваясь к воротам. – Ох, не нравится мне это дело! Когда армия хеннов стояла под стенами Скира, и то так не покалывало под лопаткой!

– Мы были тогда моложе, – негромко вымолвил Марик.

– Я пришлю первого наблюдателя, – степенно произнес Бравус и тоже направился к выходу со двора, но, обернувшись возле ворот, важно изрек: – Пойдем, наставник Вертус, нам нужно обсудить происшедшее!

– Кто он? – негромко окликнул Марик шагнувшего к воротам мага. – Кто он, этот забавник?

– Кто? – переспросил Вертус и хрипло рассмеялся. – Тебе ли, славный воин, задавать такие вопросы? Или это я совершал подвиги в осажденном Скире?

– Выходит, что следы ведут в осажденный Скир? – нахмурился баль.

– Ты видел следы? – удивился Вертус. – Поведай мне, воин, что бы ты сказал, если бы кто-то на твоих глазах сумел бы в тяжелом доспехе запрыгнуть да хоть на ограду твоего двора?

– Человек не способен на такой прыжок! – воскликнул Марик.

– Вот! – хмыкнул Вертус и пошел прочь, бормоча и приговаривая: – Человек не способен... Насчет доспеха я, конечно, несколько переиначил, и все же... Конечно, человек человеку не указ, и все-таки не встречал я пока...

Тогда, после ухода Бравуса и Вертуса, после того как удалился старшина конга и до заведения Марика перестал доноситься скрип колес тележки, на которой покинула свое последнее пристанище седая воительница Мэйла, во дворе повисла тишина.

Ора молча убрала со стола, потому как никому не шел кусок в горло, да и забыли все о еде. Пришедший к вечеру пузатый и несуразный дучь Качис, наставник целительства и травничества, не отказался от блюда тушеного мяса, но и его сопение и чавканье аппетита ни у кого не вызвали. Ночь прошла спокойно, незадачливый охранник сладко похрапывал на вынесенном на воздух топчане, а рано утром навалились новые заботы.

Сонного Качиса сменил серокожий наставник Туск, который, видно памятуя о своем хеннском происхождении, не преминул поклониться Тиру. Из чего Марик заключил, что Насьта не выдумал слухи об интересе хеннов к сыну последнего великого тана, но расспрашивать специалиста по оберегам и амулетам не стал.

Голод взял свое: завтрак прошел в молчании, разве только Илька решилась подойти к Тиру, молча сдвинула рукав на его руке и приложила к ранке листок дорожной травы. Парень глубоко вздохнул, и Марик вдруг подумал, что Тиру нелегко приходится сдерживать себя, ведь давно уже положил он глаз на свою почти сестру. И еще баль подумал о том, что, если бы много лет назад Ора не осталась ждать своего избранника у далекого дома на берегу прозрачной Ласки, кто его знает, остался бы он сам жив?

Утром Рич с молчаливого одобрения Марика не пошла в школу, а вместо этого вслед за Насьтой, устроившим показательную чистку всего имеющегося у него оружия, включая пересчет полнящих тул стрел, занялась старинным мечом собственной матери, притрагиваться к которому баль разрешал в редкие дни. Теперь ей разрешение не требовалось. Тир, как обычно, разровнял песок, подтянул навес над столом, подмел опавшие от жары листья одра, побрызгал на каменные плиты водой и тоже вытащил из оружейной простой хеннский меч, который вручил ему Марик еще лет пять назад. Так и вышло, что к полудню каждый из находящихся во дворе, кроме погруженных в хозяйственные заботы Оры и Ильки да перестукивающих потешными деревяшками братьев, занимался оружием. Даже Туск и тот перестал перебирать многочисленные амулеты, которые свешивались с его серой шеи, и принялся надраивать куском войлока самый крупный из них.

– Ну воинство, что скажете насчет недолгой прогулки?

Баль поправил на плече диковинную глевую, которую редко вытаскивал под лучи Аилле, погладил резную рукоять драгоценного меча, выполненного лучшим мастером ремини, и дал знак Рич, Тиру и Насьте следовать за ним. Ора тревожно замерла, остановив

жестом рванувшихся было за отцом братьев. Илья испуганно прижала к губам ладонь, но Марик только подмигнул дочери.

– Рано прощаться еще, рано! И ты, хенн, присматривай тут за слабыми да малыыми!

Туск степенно кивнул, и небольшой отряд выбрался на прокаленную светилом пустынную улицу, чтобы через недолгое время распахнуть тяжелые двери главного зала храма Мелаген, к уборке которого Рич так и не успела приступить. Тут балъ и начал долгий рассказ.

Ни слова не проронили ни Рич, ни Тир, пока текло неторопливое повествование, и, когда оно закончилось, повисла долгая пауза.

– И что я ему должен буду сказать? – наконец спросил Тир, который ощупал каждый изгиб черных камней над следом давнего колдовства.

– Ты говоришь о своем отце? – крикнул Насъта, отрывая от губ дудку.

– А что, друг ремини, твой отец тоже направляется в Скир? – нахмурился Тир.

– Нет, спасибо Единому! – сделал испуганное лицо Насъта. – Только ведь тут дело такое: я бы на разговор особо не рассчитывал. Вряд ли некогда великий тан сможет тайно пробраться в столицу, но если и проберется, так не разговоры с тобой разговаривать будет! А если и собирается поговорить, то не здесь. Будь я на его месте, огрел бы тебя по башке или, того лучше, подсыпал в еду зелье да увез туда, где тебя никто не найдет, а уж там и поговорить попытался бы. Вот такушки, приятель!

– Я не хочу себе такой судьбы, – отрезал Тир. – Хотя... посмотреть в глаза отцу не отказался бы.

– Судьба подобна клубку дорог, – вздохнул Марик. – Жизнь выталкивает нас на перекресток, а там уж... Сначала мы держимся за руку и идем вслед за нашими родителями или наставниками, но рано или поздно остаемся с дорогой один на один. Ненадолго. Ровно до того момента, когда не придется вести за собой жену и собственных отпрысков, катить перед собой в повозке занемогших родителей. Не важно, парень, какой судьбы ты для себя хочешь, важно, какую выберешь.

– Я уже выбрал! – отрезал Тир.

– А если твой отец встанет на твоем пути? – прищурился Марик. – Если пойти против него будет то же самое, что переступить через его труп?

– А он сможет переступить через мой труп? – побледнел юноша.

– Не знаю, – пожал плечами балъ. – Как ты понял, однажды он был готов переступить через труп твоей матери.

– Я не такой! – повысил голос Тир.

– Возможно, что и он был не такой! – выпрямился Марик. – Когда-то была мать и у Лека, сына всесильного тана Каеса. И ее смерть вряд ли вызвала бы радость Лека, но так же, как и его отец, он не противился смерти твоей матери. Думаешь, он это сделал потому, что его сердце зачерствело или он был так уж плох? Я не был с ним знаком, но готов предположить, что страсть, которая овладела твоим отцом, не оставила места в его сердце для твоей матери, парень, да и для тебя в том числе.

– Мое сердце уже занято, – глухо проговорил Тир.

– Это ли теперь самое главное? – неожиданно для самой себя произнесла Рич.

Она смотрела на друга, нервно поглаживала серый, переданный ей Мариком жезл, теребила ожерелье из зеленоватых камней.

– А что главное? – поднял глаза Тир.

– Вот, – заголила рукав Рич. – Вот самое главное! Не думаю, что отметки расставляет неведомый нам забавник, но он ли это делает, или нас предупреждает кто-то из несчастных, расставшихся с жизнью, но не ушедших к престолу Единого, важно одно: нам грозит опас-

ность! И для начала я хотела бы выяснить, как защититься от нее. Мне бы очень не хотелось, чтобы и моя голова упала на блюдо! Это... бессмысленная смерть.

– Самый лучший способ избавиться от страха – защищать от него других, – усмехнулся Насьта. – Разве ты не поняла? Древнее предсказание предрекло тебе спасение Скира! В этом нет никаких сомнений, ты похожа на свою мать, как сестра-близнец, к тому же обладаешь золотыми волосами, которыми она похвастаться не могла. Так что это мы должны выяснять у тебя, что нам следует делать!

– Но я не знаю! – растерялась Рич.

– Я постараюсь подсказать тебе, – раздался дрогнувший голос.

Глава пятая

Стрелка

Поиски ничего не дали. Ни с Айрой, когда она перед уходом в город оглядела все помещения, ни после, когда и Рин, и Орлик опустились на колени, словно искали в каменных щелях оброненный золотой. Напрасно Рин расставлял колдовские вешки, напрасно Орлик раскручивал свой магический камень, ощупывал каждую пядь кладки – никаких меток или тайников старого мага отыскать не удалось.

Наконец, когда, чихнув, наверное, в тысячный раз, вельт завопил, что облизал каждый камень и вдохнул всю местную пыль, Рин махнул рукой и разрешил ему залить башню водой.

Сначала вельт все-таки вытащил во двор все, кроме совсем уже неподъемных скамей и шкафов, что заняло никак не меньше четверти дня. По крайней мере светило, которое Айра называла ласково – Аилле, успело не только подняться над городом, но и проползти изрядную часть пути до вечернего утопления в волнах теплого моря. Но уж после Орлик с жаром принялся выплескивать на пыльные камни воду из деревянной кадушки, которую наполнял, накручивая ворот оказавшегося полноводным колодца.

Башня впитывала воду, как старый войлок. Открытые комнаты на нижних ярусах, в которых не нашлось ничего, кроме обветшалой мебели и толстого слоя все той же пыли, блаженно вдохнули морской ветер. Камин наконец-то избавился от застывшего пепла. Камни задышали свежестью, узорные переплеты окон обнаружили под ключьями паутины мозаику из цветного стекла, ступени витой лестницы уподобились уступам горного водопада, своды посветлели и даже как будто стали казаться выше и изящнее.

– Ты бы осторожнее был с колдовскими штучками, – посетовал Рин, заглянув в одну из ветхих корзин. – Я смотрю, пучки трав перепутались и искрошились.

– Весь этот хлам – в огонь, – кивнул Орлик в сторону уличной жаровни, над которой начинал попыхивать парком едва оббитый от нагара котел. – Травки пересушены и пусты, корни обратились в прах, настойки скисли. Все ценное я собрал вон в тех корзинках. Там кое-какие минералы, несколько бутылей вина, которое я без Айры не рискну попробовать, да разная утварь. Жаль, библиотеки у здешнего хозяина я не нашел, так что, думаю, приятель, нам досталась его запущенная мастерская или башня для тайных свиданий! Конечно, если к свиткам и книгам не приложил загребушей руки Камрет. Еще я хотел бы знать, куда ведет заложенный камнем ход из подземелья? Кстати, если бы не затворы на дверях, поспорил бы, что родственнички здешнего мага уже наведались в башню и вынесли все ценное. Смотри, сундук, в котором, по словам Айры, должны были храниться свитки, и то с дырой!

– Со странной дырой, – пробормотал Рин, разглядывая отверстие в резной крышке. – Интересно, какое оружие могло его оставить?

– А кто его знает? – пожал плечами великан. – Меня больше интересует другое: как Камрет, демон его раздери, пробрался в башню, не снимая печатей и наговоров? Или он горазд скакать из одних окраинных земель в другие, умудряясь прицеливаться точнее точного? И что он отсюда вынес? Или маг и в самом деле был беден, словно степняк в засуху? И не Камрет ли пробил эту дыру?

– Ничего не могу сказать насчет дыры. – Рин захлопнул крышку и уставился на узор. – А сундук старый.

– Рухлядь! – Орлик выплюнул сгусток пыли.

– Нет, прочный. – Олфейн провел пальцами по узору. – Здесь вырезана карта города. Смотри, нет ни слободок за городской стеной, ни нового дворца, что мы видели. А дыра была

залита воском. Вот следы. Нет, Камрет тут ни при чем... Прибери-ка, друг, этот сундучок. Да и перекусить, думаю, пора. Вряд ли Айра вернется до темноты.

– С ней все в порядке? – сдвинул брови вельт.

– Пока да, – кивнул Рин и опустил деревянную лопатку в котел. – Она хотела навещать в бывший трактир своего отца, а потом отправиться к Марику, что присматривал за ее парнем.

– Вот те на! – обескураженно сдвинул на затылок колпак великан. – Пошла в трактир и не взяла меня с собой?! У меня нет слов, которые я мог бы высказать по этому поводу в приличной компании! У меня вообще ничего нет. И не только утреннего добродушия. У меня и с посудой не густо, всего-то и имеется – пара оловянных блюд да десяток кубков, не считая вот этого котла, в котором до сего дня варили явно не вельтскую похлебку. А я хочу есть!

– Ты уж прости, друг, и я опять занялся не вельтской похлебкой, – хитро прищурился Рин. – Но в следующий раз...

– В следующий раз единственный поглотитель твоей стряпни будет уже числиться в списках погибших от истощения! – торжественно поклонился Орлик. – Ладно, мешай свое варево! Разборчивым едоком я становлюсь только на полный желудок, хотя, надо признаться, твоя стряпня в последние годы огорчает меня все реже.

– Всякий неумелый повар научился бы искусству приготовления пищи, если бы имел несчастье лицезреть твою недовольную ухмылку, да еще с такой высоты! – заметил Рин. – Ничего, вот найду себе девушку, поговорю с ее родителями, посватаюсь и забуду о существовании кухни.

– Найми лучше кухарку. – Орлик наклонился к ведру, плеснул пригоршню воды в лицо, прополоскал рот. – И кухню не забудешь, и жениться не придется! А если кухарка хороша... Хотя чего страшного в женитьбе? Никогда не понимал молодцов, которых даже разговоры о женитьбе доводили до дрожи.

– А сам почему никак не остепенишься? – улыбнулся Рин.

– Сам-то? – Вельт с хрустом расправил плечи, потянулся. – Сказал бы я тебе, что не нагулялся, но ты ж не поверишь. А я просто все никак не найду ту, которая мне нужна. Ты уж прости меня, но вот не могу удержать поганого языка за зубами: отчего у вас не срослось с Айрой?

– А разве у нас должно было срастись? – удивленно поднял брови Олфейн.

– Ну как же? – великан растерянно захлопал глазами. – Я, конечно, не мастер говорить на такие темы, но вы с ней для меня, считай, что единственная родня между мирами! Ты ж смотрел на нее как на богиню! Глаз не мог оторвать! Или насмотрелся уже?

– Интересно, – Рин присел на корточки и задумчиво погладил забитый в дворовую мостовую, отполированный веками камень. – Видишь, как получается? Я всего лишь не мог оторвать от Айры глаз, а ты уж прирастил меня к ней всеми прочими частями тела.

– Значит... – нахмурился Орлик.

– Не прирос, – развел руками Олфейн. – Да и не пробовал, честно сказать. А потом уж и не по мне оказалось то, что бушует у нее внутри. Нет, ты не думай, я готов был к ней прирасти. Если б она позволила, так и прирос и болтался бы теперь, как сорная ветка, привитая к плодоносящему стволу. Она просто-напросто сказала мне, когда я в очередной раз изображал умирающего от тоски: не стоит. Сказала много лет назад. Или ты думал, что мы делим с ней постель? Нет, приятель, на верхнем этаже нашего домика в столице у нас разные комнаты. А общий домик... Так надо было, чтобы никто не домогался нашей красавицы. Хотя она могла бы при желании одарить оплеухой любого. Или чем покрепче. Видишь, даже ты поверил в нашу близость, хотя мы не закатывали никакого празднества и уж точно не пытались тебя обмануть. – Рин присел на край колодца. – Она сказала: так надо. Сказала спокойно и убедительно, хотя правоту ее умом я понял недавно. Ее сердце занято, вельт. Не

только сыном, но и еще чем-то. Как бы не прошлой любовью или ненавистью. Кто знает, во что обычно превращается прошлая любовь? Надеюсь, боги даруют удачу ей и ее сыну, но еще больше надеюсь, что тот, кто однажды станет для нее чем-то большим, чем ты или я, будет ее достоин. Она младше тебя, Орлик, и лишь немногим старше меня, но именно ее мудрость не раз спасала нас с тобой, и благодаря ее мудрости я остался тем, кто я есть, – а именно тоскливым типом, который из всех сил старается сдерживать собственную тоску. Благодаря ей я не превратился во влюбленного дурака, а остался просто дураком. Я бы даже сказал, тоскливым дураком!

– О чем же ты тоскуешь теперь? – растерялся Орлик.

– Не знаю пока, – ответил Рин, поднялся, окинул цепким взглядом загроможденный скarbом двор, скользнул глазами по стенам, оглянулся на Молочные пики. – Хорошую башню отписал нашей девочке старый колдун. Если расставить насторожь по стенам двора, можно будет похлебать сытного варева, не вздрагивая на каждый шорох. А внутри башни несложно и недолгую осаду выдержать!

– Что-то я не понял! – насторожился вельт. – Мы охотиться сюда прибыли или в осаде сидеть?

– На то она и охота, – успокоил друга Рин. – Или мало мы улепетывали в свое время от намеченной нами дичи?

– Бывало, – хмыкнул Орлик. – Так ведь то от робости да неумения. Теперь все будет иначе!

– Ты так считаешь?

Рин выпрямился, расправил плечи и закрыл глаза, подставив лицо под лучи Аилле. Великан жадно втянул ароматный запах, поднимающийся из котла.

– Послушай, – заметил он. – А ведь я бы и вправду здесь задержался. Красивый город, море, вкусные овощи, не слишком просторная, но высокая и прочная башенка, тихая улочка, крепкая ограда, достаточно монет в кошельке. Может быть, как сладим нынешнее дело, я тут и останусь? В качестве сторожа негаданно накотившего на Айру имущества! А?

– Однажды ты говорил примерно то же, – пожал плечами Рин. – Тебе приглянулась мельница на высоком берегу реки. Или мельничиха. А потом, когда мы выкурили оборотня из прибрежного тростника, в деревне не осталось ни одного дома, только пепелища.

– Ну так то была едва ли не первая охота! – почесал затылок Орлик. – Согласись, что все прочие охоты обходились куда спокойнее. И то сказать, мы же не устраиваем облаву на нечисть так, как любит Камрет? Он ведь порой готов войну начать на половину какого-нибудь мира, чтобы только дичь упала в его ловушку, как созревшее яблочко! Это не охота, приятель, а забава, только забава – кровавая!

– Однако в столице именно Камрет слывет лучшим охотником, – задумчиво проговорил Олфейн. – И самым удачливым! Даже Айра согласна, что порой только его уловки и помогают добраться до нечисти.

– Так ты уже не собираешься предъявить Камрету счет? – поднял брови вельт.

– Почему же? – погладил рукоять меча Рин. – Конечно, Камрет горазд приврать, я даже готов предположить, что он без достаточных оснований приписал себе участие в твоей судьбе, но мою мать убить мог только он. Я наводил справки, она была не из тех, кто боится выдернуть меч из ножен. А уж если выдергивала... Одно то, что она владела таким мечом, – Олфейн вытащил меч из ножен на палец, – говорит о многом. Вряд ли Камрет сумел бы поладить с ней в честной схватке. Хотя в деле-то я его не видел... И все-таки, думаю, он взял ее хитростью. Впрочем, какая разница? Он убил ее. И я должен ему отомстить. Но дело не только в мести. Камрета нужно остановить. Да, он один уничтожил больше пакости, чем десяток лучших охотников. Да, редкая охота обходится без жертв, такова уж природа нечи-

сти, она прикрывается людьми, если не пожирает их напрямую. Но кто еще в столице, кроме Камрета, не чтит кодекс предсмертия?

– Кодекс предсмертия... – присел на ветхую скамью Орлик. – Это же неписанный закон!

– Однако действенный! – отрезал Рин. – Всякий нарушивший его исключается из цеха охотников. И исключенный становится кем-то вроде прокаженного. Ни в одной приличной гостинице он не получит места, никто не сядет с ним за один стол в хорошем трактире! К тому же списки кодекса существуют. Заметь!

– О списках кодекса не тебе мне говорить. – Великан запустил пятерню в бороду. – Я в жизни столько не вывел рун, чем когда его переписывал, да и ты не одно перо обломил! Не раз себя спрашивал: зачем старался? Не обязательно быть охотником, чтобы сбывать трофеи! А не вступишь в цех, так и исключать тебя не будут. Чем замечателен этот самый цех? Только тем, что всякий его участник должен вставать на защиту прочих охотников? Однако в столице и так безопасно – стражи не дремлют.

– Ты сам все знаешь. – Олфейн опустил голову. – Дело не в безопасности, хотя в самой столице охота редка. Дело в соблюдении кодекса. Ты его помнишь?

– Наизусть, – расправил широкие плечи Орлик. – Пришлось вызубрить. И то сказать, сколько мы оставались дикими охотниками? Больше десяти лет!

– И что нарушил Камрет? – прищурился Рин.

– Да все! – хмыкнул вельт. – Вот хоть это: «Охота – не забава». Или вот еще: «Всякое существо становится дичью охотника не по роду или племени своему, а по ужасам и бедам, им производимым. Не убивай понапрасну, поскольку что тогда отделит охотника от зверя, если первый признак зверя – напрасные смерти?»

– Все сложнее, – присел рядом с другом Рин. – Что такое напрасные смерти? С одной стороны, всякая смерть напрасна, с другой – припомни хотя бы одну нечисть, что убивает ради забавы? Зверь, каким бы он ни был, забавляется редко. Он питается. Жрет. Иногда обжирается. Для него смерти уж точно не напрасны! Или ты сдираешь шкуру с молодого кабанчика ради забавы? Просто каждый поступает в меру собственного естества. И охотник в том числе. А вот Камрет...

– ...не признает никаких правил, – продолжил Орлик, прислушиваясь к скрипу скамьи. – Однако не это ли создало ему славу?

– Он настойчив и терпелив, – кивнул Рин. – Бессердечен и хитер. Мы никогда не сможем доказать, что он горазд устраивать массовые бойни и губительные войны, если будем бродить по оставшимся после Камрета пепелищам. Он редко проливает чужую кровь сам. Камрет сложнее, чем он может показаться. Он как жезл мага, стиснутый в кулаке. Знаешь, мои рассуждения о коротышке не удивили никого из старых охотников, а я разговаривал со многими. Они мало что знают о Камрете, он всегда охотился один, не любил хвастать трофеями, но все они помнят его флягу и короткий меч с самых юных лет. Он старше их всех! Кое-кто даже думает, что Камрет и есть никому не известный глава цеха. Его основатель!

– Подожди-ка, – Орлик осторожно привстал и пересел на трехногий табурет. – Так ведь у цеха нет никакого главы! Есть сход, есть смотрящий за порядком...

– Основатель цеха был! – поднял палец Олфейн. – Но о нем никто не помнит. Однако вернемся к коротышке. Так вот, Камрет всегда охотился один, но никто и не согласился бы стать его напарником. Некоторые даже обмолвились, что у Камрета когда-то в незапамятные времена случались напарники, но подозрительно быстро гибли.

– Зачем ему напарники из Заповедных земель, если он всегда разыщет парочку придурков на месте? – почесал затылок Орлик. – И мы с тобой тому примером.

– Не всегда, – не согласился Рин. – А моя мать? А ее брат или кем он там ей приходился? Кодекс предсмертия... Помнишь? «Не оказывай помощи охотнику, кроме как по его просьбе или при опасности его жизни».

– «Но если дичь его уходит от него, а ты не призван ему в помощь, не пресекай бегства дичи, потому как и бегство его дичи тоже входит в охоту его», – вспомнил Орлик. – Этот кодекс предсмертия настолько запутан и сложен, что взять с его помощью за ухо коротышку будет сложновато!

– Сначала разберемся с ним, а потом будем подыскивать основания! – Рин ударил кулаком по скамье, которая не преминула тут же развалиться на части.

– Спасибо, порадовал! – закатился в хохоте вельт. – Да будет эта неприятность самой крупной неприятностью, которую ты отыскал на свою задницу в этом прекрасном городе! Я не слишком нарушил кодекс тем, что не пришел на помощь?

– Основания найдутся! – отрезал, поднимаясь и отряхиваясь, Олфейн. – Да, с одной стороны, пока никто не доказал вины Камрета, мы не можем его убить и даже обязаны при соответствующей его просьбе помогать ему. С другой стороны, признано это другими охотниками или нет, если он поставил себя вне кодекса, значит, и мы ему уже не братья и не помощники!

– Овета не просто одна из окраинных земель, – заметил, собрав бороду в пучок, Орлик. – Тут можно расставлять силки, не опасаясь наступить в чужую ловчую яму. Вряд ли сюда пробился кто-то еще, кроме Камрета и нас. И все-таки как же его зацепить с помощью кодекса? Может, этим? «Не будет охотой кара убийце, если преступление и природа его обычны для той страны, где он убивает»?.. Нет, не подойдет. Или вот еще: «Всякий охотник исполняет правила и законы страны пребывания в той же степени, в какой их исполняют и прочие жители, и должен быть готовым к тому, что и над ним может случиться суд, подобный суду над обычными людьми».

– Не это главные слова, – вздохнул Рин. – Главные слова те, что идут в самом начале: «Кодекс охотника есть кодекс предсмертия, потому как всякий охотник должен помнить, что смерть идет по его следам, дышит ему в спину и целует его пятки».

– И? – покосился на приятеля Орлик. – Я помню: «...целует его пятки, поэтому во всякий миг жизни будь готов к смерти». Слушай, я и сам не раз ошибался при переписывании, а что, если каждый переписчик добавлял что-то от себя? Как-то не очень ложатся в кодекс слова о... пятках! И что это значит: «будь готов к смерти»? И как к ней можно подготовиться? Ну представь себе, что я знаю день своей смерти. Что я могу сделать? Одеться в чистое? Раздать долги? Отпустить слуг и освободить рабов? Разделить имущество между детьми?.. Разделил бы, если б знал их по именам и имел имущество. Подать нищим? Это готовность к смерти? Или как там?..

– Как там... – как эхо повторил Рин, уставясь в точку перед собой. – Ты не понял главного, Орлик. Все это – полная ерунда. Никакого кодекса предсмертия нет. То, что ты учил, – забава для новичков, которыми и мы когда-то были. Главное – только эти слова: «Помни о смерти». Это важные слова! Хотя бы потому, что как никто не смертен, поскольку путь наш не оканчивается с гибелью тела, так никто и не избежал смерти, в каком бы обличье она ни пришла. И нас это касается тоже. Не только меня – ведь никто не доказал, что нефы бессмертны. Но и тебя, и Айры, пусть жизнь в столице и отодвинула вашу старость вдаль. Камрет забыл о том, что смерть идет за ним по пятам. Он ведет себя так, словно смерти нет вовсе. Значит, я буду его смертью. И насчет того, что следует одеться в чистое, – важно. Хорошие слова. Я на месте Камрета приоделся бы. И вспомнил бы о долгах – их у него накопилось предостаточно!

– Хотел бы заметить, – вельт хлопнул ладонями по коленям и поднялся, – что Камрет Камретом, но есть вещи и поважнее. Если ты забыл, так я напому. Здесь, – великан повел вокруг себя рукой, – идет охота. Может быть, Камрет, и в самом деле, опять сплетает свою паутинку. Не удивлюсь даже, если нам назначена роль приманки в его снастях, но здесь идет охота! И зверь, на которого охотится Камрет, судя по тому, что рассказала Айра, может ока-

заться даже коротышке не по зубам. И победить его куда важнее, чем разобраться с Камретом! Давай, друг, закончим с главной охотой, а потом объявим охоту на коротышку.

– Зачем он охотится? – вдруг повернулся к приятелю Рин. – Зачем он сжигает добычу, если есть тысяча других способов обезопаситься от плененной нечисти? Да, он приносит иногда в лавки столицы разную мелочь, но главные трофеи, которыми любит прихвастнуть, не продает. Куда он их деваает?

– Ну, – собрал бороду в кулак Орлик. – Деваает куда-то. Продает где-то еще... Или складывает куда-нибудь на черный день!

– Обездвиженных демонов? – усмехнулся Рин. – Высушенных упырей?.. Да он давно уже должен был скупить половину столицы, а у него нет там даже дома!

– Или мы не знаем о его доме, – предположил вельт и вдруг замер.

– Что ты?.. – побледнел Олфейн.

– Да вот, – с трудом выдавил через посиневшие губы великан. – Мошка какая-то укусила... Похоже, я передумал оставаться здесь... Тут мошки больно жалят...

Рин выпрямился как пружина, слепил туманный комок и тут же отправил его к каменной ограде, в выщерблине которой мелькнула быстрая тень. Пятно льда еще только начало с треском расползаться по древним камням, а воин уже вырвал из шеи друга короткую тонкую стрелку и зажал рану крепкими пальцами.

– Держись, вельт! – прохрипел он чуть слышно. – Из такой ямы мне еще не приходилось тебя вытаскивать...

Глава шестая

Встреча

Он ждал ее возвращения, и все-таки появление Айры представлялось Марику почти невозможным. Баль даже ущипнул себя за запястье, как раз где-то в районе косого креста. Сколько раз он стоял на краю гибели, сколько раз видел отблеск смерти, но впервые явственно почувствовал, что все имеет начало и конец. Словно шел длинной дорогой, забрался на гору и увидел одновременно и далекую деревеньку, из которой начал путь, и чуть различимые силуэты то ли окраины города, то ли постоялого двора, где этот путь однажды закончит. Если, конечно, доберется до конца пути. Или – где смерть, там и конец?.. Что это вдруг он задумался о смерти? Неужели из-за того, что в дверях зала появилась Айра?

Наверное, почти так же он почувствовал бы себя, если бы это была Кессаа. Правда, Кессаа рассыпалась в прах, он сам вместе с Ирунгом и Насьтой ползал по камням и собирал ее пепел. У Насьты тогда тряслись руки, и Марик, не стесняясь, плакал, а Ирунг ворчал, что никогда еще ему не приходилось добавлять в колдовскую смесь слезы баль.

Никому не известно, что смешивал маг, только через год после той страшной ночи старый колдун наконец расплавил капли серебра, в которые превратилась оправа магического зеркала, и отлил короткий, неровный жезл, который цветом напоминал свинец. Отлил и передал его Марику, когда навещал золотоволосую девочку в Гобенгене. Сказал только, что всему свое время, но жезл этот не совсем жезл, не для обычного он колдовства, да и много чего собралось в него вместе с каплями серебра.

Впрочем, Марик никогда не был докой в жезлах, да и вообще в колдовстве, хотя и змеились по его коже магические узоры, выколотые старым наставником Лирудом, хоть и чувствовал он, как сказал тот же Ирунг, больше любого храмового колдуна. Впрочем, что толку от того чувства? Ну страшным ему показался жезл, едва не выронил, когда в первый раз коснулся его, потом уж всегда через ткань хватался, а в первый раз словно обжегся. Да и то сказать, все-таки пепел Кессаа был в смеси! Знала бы Рич, отчего серебро стало серым, наверное, не прицепила бы резной стержень просто так на пояс, спрятала бы хоть в суму. Хотя разве есть тайник, в который можно укрыть хоть что-то на веки вечные? Не собственными ли глазами видел баль, как исчезла Айра, и – вот она. Стоит в дверях точно такая же, как и в ту давнюю ночь, прикусывает дрожащую губу, и Марику кажется, что словно не было долгих семнадцати лет и его ладони по-прежнему покрывает кровь, смешанная с пеплом Кессаа.

– Да, – повторила Айра. – Я постараюсь подсказать тебе.

Повторила для Рич, но глаз не отрывала от Тира. А когда он поднялся и медленно подошел к ней, оказавшись выше на голову, вовсе замерла, окаменела, только выставила вперед острый подбородок и смотрела, смотрела на молодого парня, не замечая, что слезы текут по ее щекам.

– Насьта! – раздраженно обернулся Марик. Но ремини уже и сам догадался, снова поднял дудку, пробежался пальцами по клапанам, и словно лесной ручей зазвенел в зале старого храма. Зажурчал переливами, а поверх его голоса запел лесной птах, а за ними зашуршал ветер, зашелестели листья, зацокала мелкая белка, запищала утренняя мошка. И из-за спины Айры появилась Ора, обняла за плечи сразу и ее, и Тира, прижала мать и сына друг к другу, сама прижалась к ним и негромко запела что-то на дучьском наречии, удивительно совпадая с мелодией Насьты. А затем в зал проскользнула Илька и закружилась в легком танце, словно опрокинутая корептская чашка с тонкой ножкой, да так, что узор на ее юбке обратился туманной радугой. И баль удивился еще раз, потому что ощущение небывалого счастья и предчувствие неминуемой беды совпали так, словно были выкроены по одним лека-

лам. Только Рич смотрела на все происходящее, сдвинув брови, будто пыталась разобраться с тем, что происходит на ее глазах.

– Я вернулась, – посмотрела на Марика Айра.

– Где пропадала? – почему-то осип баль.

– В разных краях, – вытерла она слезы.

– Отчего так долго не навещала нас? – попытался пошутить Марик.

– Легко свалиться в пропасть, – она кивнула на темное пятно на камне. – Выбраться трудно. Спасибо за сына, баль.

– Подожди благодарить. – Баль с усилием улыбнулся. – Вот послезавтра пройдет испытание у конга, значит – вырастили мужчину!

– Надеюсь, теперь молодых воинов не заставляют охотиться на людей? – взгляд Айры потемнел.

– Многое изменилось в Скире в лучшую сторону, – вздохнул Марик. – Правда, сам Скир словно на краю пропасти застыл. И мы вместе с ним... Потом будем разговаривать. Для начала неплохо было бы подкрепиться после долгой дороги!

– Ты тоже, что ль, путешествовал? – удивленно обернулась Ора, и тут уж засмеялись все, даже Тир скривил губы, и Насьта оборвал мелодию.

– Давно не виделись, хозяйка дома у реки, – ухмыльнулся ремини и сунул дудку за пазуху. – Пойдем, я покажу тебе, что за хоромы заполучил в Скире обычный баль. Будешь удивлена!

– Пойдем? – посмотрела Айра на сына, и тот наконец улыбнулся, зато улыбка исчезла с лица его матери. – Нет... Чуть позже... Кажется, спутники мои попали в какую-то передрагу. Я быстро! Тут рядом...

– Я с тобой! – прошептал Тир.

– И я! – неожиданно встряхнула короткой шевелюрой Рич.

– Насьта, – Марик нашел взглядом приятеля. – Двигайтесь к дому и посмотри пока за порядком в заведении. И это... – баль словно споткнулся о сдвинутые брови жены. – Ору слушайся, если что.

Мог ли еще юный Марик думать, пробираясь из заброшенной бальской деревни к селению ремини, что, когда он удвоит годы, за спиной вдруг окажется столько всего, что другому хватило бы и на десять жизней, а из сгустившегося впереди тумана вдруг начнут проступать контуры чего-то такого, чего не осилить и тысяче человек? Сколько еще судьба будет нама-тывать его на костяной кулак? Сколько будет испытывать на излом? Или нет конца испытаниям? И ему ли, имеющему семью, дом, троих детишек, да еще Тира и Рич, жаловаться на судьбу, если вот идет перед ним хрупкая и нисколько не постаревшая все та же девчонка Айра, которую он уже едва помнил, так коротко было их знакомство, но которая словно вернулась из бездны, и теперь бездна чувствовалась в каждом ее жесте, каждом движении.

Когда Марик узнал, куда они направляются, то предложил пробежаться. Но Айра качнула головой, словно говоря, что спешить не стоит, и баль вдруг почувствовал, что он снова не сам по себе, а в строю воинов, и старшая над ним опять девчонка, пусть и не Кессаа – Айра. Даже подумал, что не так уж он и постарел за прошедшие годы, если способен забивать голову всякими глупостями.

Айра шла быстро и неслышно – именно так, как умели ходить только лучшие из выпестованных Мариком учеников. И баль уверился, что мать Тира не возникла из небытия, а в самом деле добиралась до Скира издалека и с приключениями. Точно таким же шагом двигался следом Тир, которому предстояло через день первое испытание в жизни. Конечно, если оно не наступило уже сегодня. Почти парила над раскаленным камнем Рич, научить которую правильно двигаться Марик так и не смог, но только потому, что, если девчонка в

чем-то упиралась и стояла на своем, почти всегда получалось, что именно она и оказывалась права. «Словно ровесники», – подумал о шествующей перед ним троице балъ и вдруг заволновался: а как он сам-то будет выглядеть среди них, молодых и сильных?

– Расслабились! – с досадой обернулась перед каменной оградой Айра. – Насторожь не выставили!.. Рин! Орлик! Это я!..

Из-за стены раздался невнятный возглас, Айра толкнула кованую калитку, и Марик впервые оказался во дворе северной башни дома Стейча.

Мощенный камнем дворик, окружающий подножие башни, был завален хламом. У поилки прядали ушами крепкие лошадки, над уличным очагом исходил паром котел, а возле оголовка колодца полулежал воин. Одним взглядом Марик оценил и ширину его плеч, и упрямую линию подбородка, и скрытую в глазах боль, и искры седины в черных, коротко остриженных волосах. Тут же почувствовал и силу, смешанную с немощью, и нестигаемую волю, которая удерживала сознание в обессиленном теле.

– Рин! – воскликнула Айра, и балъ в секунду понял, что человек этот очень дорог ей, но не так, как дорог, к примеру, Оре он сам.

– Все в порядке, – с трудом выговорил на сайдском наречии воин, словно хотел, чтобы все сказанное им было понятно каждому. – Со мной все в порядке... Орлика вытаскивал. Вот, – он повел подбородком в сторону лежащей под его рукой короткой стрелки. – Хороший яд. Очень хороший яд. Смертельный!..

– А Орлик? – вскинулась Айра.

– Здесь я! – раздалось добродушное гудение, и из ворот башни показался великан на голову выше Марика ростом. – Сейчас... Вот, питье принес Рину. Самое главное вельтское питье. Помогает и от мороза, и от качки, и при недостатке крови или сил! Ну-ка?..

Великан ловко опустился возле воина, ненароком бросил взгляд в сторону и, Марик готов был поклясться, тут же разглядел каждого из гостей. Смешанная с горечью ухмылка утонула в рыжей бороде, огромная ладонь подхватила голову Рина, а вторая выплеснула ему в рот какое-то питье.

– Уберите его! – закашлялся Олфейн. – Уберите! Он хочет моей смерти!.. Убийца-вельт! Ты не у Камрета отлил огненной водички?

– Тихо! – Айра уже сидела возле Рина и держала его за руки. – Тихо. Выкарабкайся сначала! Не иначе как из-за полога Орлика тащил, если так себя потратил? Давно уже так далеко не спускался ты, парень!

– Именно так, – прогудел великан и потер красную отметину на шее. – У меня до сих пор голова гудит. А ведь который раз уже мою смертушку отодвигает этот паренек! Целитель он, если кто не понял. – Вельт подмигнул Марику. – Только не всегда силы свои рассчитывает.

– Так это... – преодолел столбняк балъ. – Может, Ору позвать?

– Не надо, – шагнула вперед Рич. – У меня все есть. По привычке сумку подхватила. Я в эту пору всякий раз в лекарскую иду.

– Тут не снадобья нужны, – поморщилась Айра, по лицу которой начинала разливаться бледность. – Тут кое-что другое. Если бы я тут была, когда приключилось все... Помогла бы вытащить Орлика, а целителя вытаскивать – просто силушкой не обойдешься!

– Так я и не собираюсь силушкой меряться. – Рич присела рядом, бросила быстрый взгляд на приподнявшего брови Рина и вдруг перехватила его ладони. – Хорошо делаешь... Айра, но не так. Не надо вливать в него силу, его вести надо. Силы и без того вокруг предостаточно, смотри, как вечерний Аилле печет. Его выводить надо!

Наклонилась, переплела пальцы и уставилась в глаза воина. И Рин вдруг обмяк, ослабился, перестал казаться вырубленным из камня, заморгал удивленно, особенно когда

глаза его набухли слезами, а лекарка продолжала смотреть на нежданного подопечного, да только крепче сжимала руки и пришептывала что-то чуть слышно.

– Однако не выгорит у нас тут лекарское дело, Рин! – восхищенно прошептал Орлик. – Ты еще потягаешься, а я уж...

– Смотри-ка! – удивленно хмыкнула Айра, потянувшись к стрелке и тут же помрачнела. – А ведь ты уже должен стоять у престола Единого, вельт. От этого яда противоядия нет. Неужели Синг похожее жало поймал?

– Выходит, что есть противоядие, – пожал плечами великан и поклонился Марику, затем Тиру. – Меня Орликом кличут, если что. Это вот Рин, что мне жизнь спас. Не в первый раз, кстати. Ну Айру вы уже знаете. Она у нас старшая.

– Похоже, что и у нас, – разомкнул губы Марик.

– Ты и есть бравый лесной житель Марик Дари из народа баль? – прищурился великан.

– Он самый, – вздохнул баль. – Правда, давно уже не лесной. А вот и часть моего семейства. Рич, дочка Кессаа. Тир...

– Это мой сын, Орлик, – глухо бросила Айра и с треском переломила стрелку.

– Бравый парень! – взъерошил бороду вельт. – Свиделись, значит? И что же теперь? Какие будут распоряжения?

– Уходим, – прошептала Айра. – Насторожь поставим и уходим. Если тут летает такое, оставлять без присмотра семью Марика никак нельзя.

– Охота начинается? – нахмурился Орлик.

– Пока что охота на нас, – отрезала старшая и посмотрела на Рич. – Как он?

– Спит, – коротко и почему-то тихо ответила девчонка. – Просто спит. Но... Он вроде бы... не человек?

– Человек, – выпрямилась Айра. – Особенный, не простой, но человек. Таких, как он, называют нефами. Всякий неф изначально чуть быстрее, ловчее, сильнее обычного человека. Живет... долго. Говорят, что это от примеси крови демона. Будто бы если человек смешает кровь с демоном и родится дитя, это дитя и будет нефом. И все его потомки на тысячи колен будут нефами, потому как, сколько ни разбавляй кровь демона, никогда не разбавишь ее без следа. Правда, там, где я пропадала, говорят, что и всякий демон в сущности тот же человек, потому как гадости в нем не меньше, чем в человеке. Но это не про нашего приятеля.

– И много... – Рич сдвинула брови. – Много таких, как он?

– Достаточно, – улынулась Айра. – Но простых людей больше. Намного. И среди них есть сильные, как Орлик.

– И сильные, как Айра, – хмыкнул вельт, но тут же стал серьезным. – Быть нефом нелегко. Они живут долго, но редко доживают до старости. Или вовсе не доживают.

– Почему? – спросил Тир.

– Так складывается судьба, – пожал плечами Орлик.

– Судьба у каждого своя, – повернулась к сыну Айра и тут же оглянулась на Рина. – Когда он встанет на ноги?

– Как выпится, – поднялась Рич.

– Он будет нам нужен, без нефа тяжело взять демона, – нахмурилась Айра и вдруг улыбнулась, взглянув на молчаливого, напряженного Тиру. – А я ведь уже подумывала, чтобы махнуть рукой на все, да убраться отсюда подобра-поздорову вместе с сыном. Да вот не срослось. Нельзя пакость оставлять за спиной. Что скажешь, Тир?

– Хотел тебя с девчонкой одной познакомить, – через силу проговорил парень. – А то уж если тут такая охота начинается...

– Познакомишь, – грустно кивнула Айра. – Но танцует она хорошо, я это уже и так заметила. Что, Марик, приютишь на время? Тут хорошее место для обороны, но, сидя в крепости, не устроить удачной охоты.

– На кого будем охотиться? – прокашлялся баль. – Демон, говоришь?

– Дичь все та же, – отрезала старшая.

Сборы были недолгими. Орлик с помощью Тира взнуздал лошадей, Айра наложила чары на дверь башни и ограду. Марик, который пытался оживить найденную за башней повозку, только качал головой, наблюдая за действиями вновь обретенной старшей, зато Рич ходила за колдуньей как тень. Наконец на дверях башни был повешен затейливый замок, лошади готовы, а спящий Рин вместе с резным сундуком Ирунга и тюками шерсти перекочевал на повозку. Орлик, не обращая внимания на протесты Марика, решительно подхватил аппетитно пахнущий котел, и небольшой отряд двинулся к заведению баль.

Город удивил безлюдьем, хотя оказавшийся таким длинным день только заканчивался, и Аилле едва скрылся за городскими стенами. Тревога поселилась на улицах Скира, подумалось Марику. Неужели он раньше не замечал, что немногочисленные в жару улицы Скира вовсе пустеют к вечеру? Или надо ткнуть его лицом в то, что само бросается в глаза? А давно ли он был на рынке? Или предпочел не услышать слова Оры, что торговцы, покупатели, зеваки готовы в плотку друг другу вцепиться из-за косого взгляда? Нет, не правы те, кто надеется, что злость сама выветрится из сердец. Она может только накапливаться, если не давать ей выхода. И врачевать ее надо долго и непрерывно. Или кто-то подбрасывает дровишек в жаркое пламя?..

– Хвала богам! – бросилась ему на шею Ора в дверях заведения.

– Ну ладно, – постарался сделать грозный вид Марик. – Ты так меня скоро и с рынка встречать будешь?

– А давно ли ты ходил на рынок? – подняла брови жена.

– Так это... – почесал затылок Марик.

– Ты лучше гостей приглашай за стол, – улыбнулась Ора. – Сдается мне, что они все еще не передохнули с долгой дороги. И поторопись, муженек!

– Мама, – Рич окликнула Ору и тут же осеклась, покосилась на Айру, на Тира. – Посмотри. Я тут пробовала лечить...

– Куда торопиться-то? – с досадой развел руками Марик, недоуменно скорчил гримасу появившемуся в дверях Насьте. – Нам бы обговорить еще все!

– После обговорите! – отрезала Ора, с тревогой наклоняясь к Рину, но тут же успокоилась и улыбнулась. – Смотри-ка, какой красавчик!

– Ну уж и красавчик! – нахмурился Марик.

– До моего баль ему, конечно, далековато, – причмокнула Ора и тут же подмигнула Рич. – Но в Скире таких молодцов можно счесть на пальцах одной руки!

– Так ты и подсчитывала еще! – картинно возмутился Марик.

– Счет не вела, но глаз не отводила, – рассмеялась Ора, но тут же стала серьезной и перешла на шепот. – Снат Геба присылал гонца. С темнотой ждет тебя, Насьту, Рич, Тира и Айру со спутниками. Или со спутником! – Ора с уважением поклонилась Орлику. – Такой один за двоих сойдет! Проход через южный дозор. Картус там будет. Так что не медлите. И берегите себя! Ой, чувствую, что снова дело идет к войне!

– Это пока еще не война, Ора, – медленно проговорила Айра, явно разочарованная, что ей не удастся опять побыть с сыном наедине. – Это охота!

– На нас? – нахмурилась Ора, и Марик разом разглядел и чуть заметную сетку морщин возле глаз, и искры седины в волосах, и потемневшую кожу между ключиц. Заметил и почувствовал, как жалость, которая происходит от нежности и никак иначе, захлестывает его.

– Это уж как выйдет, – медленно отчеканила Айра.

Глава седьмая

Конг

День получился на редкость длинным. Рич даже начало казаться, что сползающий к морю Аилле зацепился за что-то в небе и замер над крышей дома Геба недвижимо. Айра, которая восхитила девчонку красотой и уверенностью, что звучала в ее голосе и светилась в глазах, не стала рассказывать о своих приключениях, а сама принялась расспрашивать Марика о скирских делах. Ора вместе с Илькой занималась в дальних комнатах чужеземцем. Рич отчего-то не стала им помогать, заскучала и, когда сумрак все-таки начал опускаться на улицы Скира, уже была уверена, что время точно остановилось и, чтобы стронуть его с места, чтобы пробраться, продрасться через него, надобно выхватывать меч и размахивать им перед собой. Или даже плыть в этом времени, а оно будет рваться и беззвучно смыкаться после каждого гребка.

Рич стояла под одром, гладила его кору, вспоминала рассказы Насьты о том, сколько диковинной золотой воды пришлось вылить в корни привезенного когда-то из-под Сеторских гор саженца, и никак не могла заставить вечер обратиться ночью. Ей казалось, что нужно спешить. С другой стороны, а чего она ждала от встречи со Снатом Геба? И отчего не удивилась столь лестному приглашению?

– Ну? – коснулся ее плеча Марик. – Прогладишь нежную кору насквозь. Пора идти. Темнеет. Снат Геба неспроста позвал нас так поздно. Думаю, не следует трубить на весь город о внимании конга к нашим персонам. К счастью, улицы Скира теперь пустеют к вечеру. Пока пустеют...

Сумрачные улицы и вправду словно вымерли, глухие заборы походили на ограждения безмолвных пропастей. Даже собаки не лаяли в сгущающейся тьме, только где-то в отдалении всхлипывали хеннские дудки. До самого дворца конга спутники не встретили ни души. Разве только еще у ворот заведения Марика Рич, к собственной досаде, заметила шуплую фигуру Жорда Олли. Завидев предмет своего обожания, паренек расправил плечи, выпятил грудь и махнул рукавом по щекам, на которых, Рич готова была поклясться, сумрак скрывал полоски высохших слез.

– Иди отсюда! – приказала она парню. – Иди, пока тебя не хватились дома. И перестань волочиться за мной!

Жорд горестно вздохнул, опустил плечи и шагнул в темноту.

– Удивительно, – усмехнулась Айра через минуту. – Удивительно, что у Рич всего лишь один воздыхатель! Хотя этот стоит нескольких и теперь тащится позади в ста шагах.

– Однако ты в темноте научилась видеть или слышишь хорошо? – удивился Насьта. – Паренек-то тихо крадется! Я и то бы не расслышал, если бы ты не сказала...

– В темноте, не в темноте, а иногда и смотреть не надо, чтобы понять, – отозвалась Айра. – Я вот думаю, если бы Рич отпустила волосы, да вместо охотничьего костюма нырнула в легкое платье, так у твоих ворот, Марик, не один бы мальчишка топтался, а целая дружина!

– Если всех счесть, кто столбняком у этих ворот переболел, не одна дружина сложится, – не согласился баль. – Это сейчас тут временное затишье. Жара! Конец лета! Но уже послезавтра повалит народ, праздник все-таки. Думаю, что Жорду недолго осталось страдать от неразделенной любви в одиночестве. Но мы-то эту историю наизусть знаем! Многих Рич отправила восвояси и сделала это, как водится, с выдумкой. На некоторых, пожалуй, икота нападает теперь при одном только упоминании ее имени! А вот самым стойким оказался самый, как она говорит, противный. Или самый талантливый?.. В магическом смысле!

Паренек-то неплохой вроде? Просился с год назад ко мне в ученики, но слабоват оказался. Рассеянный очень. Такой заметит, что с ним противник рубится, когда руки лишится!

– Нет у него никаких особых талантов, – покосившись на улыбающегося Тира, раздраженно бросила Рич. – Ну может, и есть кое-что, но Жорд не из первых учеников. Однако устойчив к чужой магии. Обычные магические шутки на него не действуют. А чего покрепче я не применяла, пожалела дурачка. Да и тот же Вертус говорил, что устойчивость к магии чаще всего является обратной стороной глупости и слабоумия. Так что неважный из Жорда Олли жених. Вдобавок он еще и трусоват.

– Трус, который пересиливает трусость ради того, чтобы быть рядом с избранницей, заслуживает не меньшего уважения, чем завзятый смельчак, – хмыкнул Орлик. – К тому же порой трусостью маскируется осторожность! А что касается слабоумия... многие мои знакомые селянки радовались бы слабоумному муженьку, особенно если бы он был кроток, предан и богат.

– Да! – крикнул Марик. – В чем-чем, а в бедности дом Олли не упрекнешь! По слухам, дед Жорда, Касс Олли, был самым богатым таном, кстати, и самым хитрым. Хитрость, отмечу, от смерти его не спасла, но дочка Касса – мать Жорда, как говорят, унаследовала от папеньки не только богатства!

– И вряд ли хоть что-то передала Жорду! – отрезала Рич. – Кроме богатства, разумеется, на которое и без меня найдется куча соискательниц. И он может тащиться за мной сколь угодно долго, да хоть пока не собьет ноги, только толку от его преследования все равно не будет!

– Эй, дочка! – удивился Марик. – Разве кто-то говорил о толке? Еще вчера тебя не задевали подобные шуточки! Что переменилось?

– Ничего! – стиснула зубы Рич.

– Вот и хорошо, – примирительно заметила Айра. – Не будем больше разбирать твоих воздыхателей, тем более что их еще будет немало. Вот уже и сластолюбец Орлик начал расправлять бороду. Да и внук Касса Олли, дорогая Рич, отстал. Верно, и в самом деле отправился к своей богатой маменьке. К тому же в свете факелов у дворца я вижу не только стражников, но и пузатого старичка с длинными усами, который таращится во тьму. Уж не знаю, кого он выглядит, а мальчишку вряд ли пропустит во дворец.

– Картус ждет нас! – успокоился Марик. – О чем будем говорить с конгом, Айра?

– Слушать будем, – задумалась о чем-то колдунья. – Слушать и смотреть.

Жорд Олли не слишком занимал Рич, хотя поначалу и досаждал ей. Со временем она научилась не замечать парня, вела себя так, словно его вовсе не существовало, тем более что он и в самом деле не причинял ей особого беспокойства, ограничивался преданными взглядами, разве только иногда тащился в отдалении за девчонкой по улицам города или подпирал спиной ворота заведения Марика. Куда сильнее ее задевали шуточки соучеников, с которым она, впрочем, легко справилась, увеличив, как обычно, количество недругов. Так что, когда Рич узнала, что безнадежно влюбленный в нее отпрыск дома Олли в свое время проявил недюжинное упорство, чтобы попасть в один учебный зал со старшими ребятами, среди которых держалась особняком самая красивая девчонка если не всей Оветты, то всего Скира, это ее нисколько не тронуло. Разве только недовольная гримаса всякий раз кривила ее губы, когда Жорд попадался ей на глаза. Ничем она не могла объяснить свою брезгливость, но паренек был неприятен ей сам по себе, и был бы неприятен, даже если бы и вовсе не обращал на нее внимания, хотя прочие ее недолгие поклонники не вызывали у нее ничего, кроме задорной усмешки. И эта непонятная брезгливость, которая происходила, как решила Рич, от страдальческого выражения влажных глаз Жорда, не позволяла ей относиться к младшему Олли хотя бы с холодным снисхождением. Нет, она оценила стойкость несчастного к

магическим шуткам, которые выдавливали из Жорда Олли только непонимающие улыбки, но постепенно почти забыла о его существовании, как забывает о летящих с ветром морских брызгах бывалый моряк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.